

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

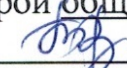
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет филологический
Кафедра общего языкознания
Специальность 050301.65 Русский язык и литература

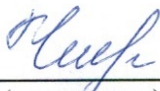
ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

зав. кафедрой общего языкознания
 Т.В. Мамаева
«25» ноября 2015 г.

Выпускная квалификационная работа

ЦЕННОСТНЫЕ ПОНЯТИЯ «БОГ», «ВЕРА», «ЛЮБОВЬ», «ДУША» В ИНДИВИДУАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «РАССКАЗАХ СИБИРЯКА» В. И. СОКОЛОВСКОГО

Выполнил студент
С.Ю. Чеканова

 19.11.2015 г.
(подпись, дата)

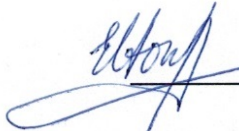
Форма обучения

заочная

Научный руководитель
доцент кафедры общего языкознания
Н.А. Бурмакина

 24.11.2015 г.
(подпись, дата)

Рецензент
доцент кафедры английской филологии
Е.А. Штейнград

 09.12.2015 г.
(подпись, дата)

Дата защиты 22.12.2015 г.

Оценка

Отлично

Красноярск

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Взаимообусловленность ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в русской языковой картине мира.....	12
1.1 Ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в современной лингвистической науке.....	12
1.2 Компонентный состав ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в русских словарях и энциклопедиях	16
Глава 2. Ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в индивидуально-языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского.....	26
2.1 Ценностное понятие БОГ в языке повествователя «Рассказов сибиряка»	26
2.2 Ценностное понятие ВЕРА в языке повествователя «Рассказов сибиряка».....	40
2.3 Ценностное понятие ЛЮБОВЬ в языке повествователя «Рассказов сибиряка».....	47
2.4 Ценностное понятие ДУША в языке повествователя «Рассказов сибиряка».....	52
Заключение.....	62
Список литературы.....	67
Приложение 1.....	74
Приложение 2.....	75
Приложение 3.....	77

Введение

Выпускная квалификационная работа выполнена в русле лингвистической персонологии и посвящена изучению индивидуально-языковой картины мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского.

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808 – 1839) – поэт, журналист и писатель XIX века. Интерес к творчеству и личной судьбе В. И. Соколовского, возобновившийся, в основном, благодаря работе краеведов Ставрополя, в XX веке побуждает внимательнее присмотреться к его произведениям и их идейному содержанию любого неравнодушного к незаслуженно забытым личностям в истории русской литературы.

Очевидно, исследователи, вопреки истинному положению дел, на начальном этапе изучения жизни и творчества В. И. Соколовского считали его причастным к декабристскому движению.

Профессор Ставропольского пединститута А. В. Попов, который впервые открыл имя Соколовского ставропольским читателям, в начале 1960-х гг. в статье «Забытый поэт-декабрист», опубликованной в альманахе «Ставрополье», писал: «Среди трагических жертв режима Николая нет, пожалуй, судьбы более тяжелой, чем жребий поэта Владимира Игнатьевича Соколовского, творчество которого в 30-е годы прошлого столетия (девятнадцатого столетия. – Примеч. состав.) было широко известно в среде передовой русской молодежи» [Соколовский, 2001, с. 10].

О том, что имя незаурядного поэта, современника декабристов, было забыто, свидетельствуют и труды писателя 80-х годов XX века В. А. Чивилихина. В своем романе-эссе «Память», он, рассказывает о жизни двух практически забытых декабристов — Н. Мозгалевского и П. Выгодского, приводит свидетельства знакомства и переписки В. Соколовского с Н.

Мозгалевским. Таким образом, была сделана еще одна попытка вернуть имя В. И. Соколовского русской литературе XIX века.

В. И. Соколовский, являясь современником великого А. С. Пушкина, поэтов Е. А. Баратынского Н. П. Огарева, видного публициста, писателя и философа А.И.Герцена, не только не потерялся среди громких имен, но активно и много публиковался на страницах печатных изданий своего времени. Исследователи творчества В. И. Соколовского относят его к поэтам «второго ряда» по сравнению с А. С. Пушкиным, Ф. И. Тютчевым, М. Ю. Лермонтовым, но отмечают, что его произведения «не утратили своего значения». В них он обращается к «высоким философским категориям, к библейским материалам, воплощая их в художественных образах» [Соколовский, 2001, с. 6].

Для нас имя поэта В. И. Соколовского дорого тем, что он родился в Сибири. Более того, в конце 1820-х годов служил в Красноярске чиновником по особым поручениям при А. П. Степанове, известном Енисейском губернаторе. В. И. Соколовский сотрудничал с «Енисейским альманахом», написал устав для «Красноярской литературной беседы». Г. А. Толстова пишет: «талантливый поэт Владимир Игнатьевич Соколовский (один из основателей кружка «Красноярская литературная беседа» и соавтор её Устава (1829 – 1830 гг.) составлял статистические таблицы края (использованы позже в книге А. П. Степанова «Енисейская губерния». СПб, 1835 г.)» [Енисейский альманах, 2008, с 4].

Отдавая должное поэту – земляку, мы обязаны помнить о его вкладе в русскую литературу и культуру.

В данное время с биографией поэта, с его произведениями можно познакомиться на страницах разных интернет-изданий, других источников, где публикуются статьи о жизни и творческом пути поэта.

Ставропольским издательством СГУ в 2011 году выпущена Антология в 3-х томах «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ». Говоря о важности данного труда, профессор В. А. Шаповалов пишет, что эти книги аккумулируют опыт столетия и «являются по-настоящему патриотическими,

учат терпимости, раскрывают богатство диалога между народами Кавказа для ума, души, сердца наших современников» [Опальные: Русские писатели, 2011, с. 7].

В этом сборнике, во втором томе, напечатаны стихотворения, поэмы В. И. Соколовского и исследовательские статьи о его жизни и творчестве разных авторов: («О В. И. Соколовском» [Чивилихин, 1985, с. 245]; «В. И. Соколовский» [Попов, 1963, с. 261]; «Владимир Игнатьевич Соколовский» [Киселев-Сергенин, 1972, с. 264]; «Владимир Игнатьевич Соколовский (к 190-летию со дня рождения)» [Кравцова, 1998, с. 267]; «Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ...» (неизвестные документы о ставропольской ссылке поэта В. И. Соколовского) [Коршунов, 2000, с. 272]; «Надеждам ты не измени» [Кравченко, 2007, с. 276]; «Владимир Соколовский: Счастье было!» [Штайн, Петренко, 2007, с. 282].

В сборнике стихотворений и поэм В. И. Соколовского, выпущенном в 2001 году под названием: «Ни разу счастием я не был упоен...», в библиографическом разделе авторы приводят 39 источников литературы о В. И. Соколовском [Соколовский, 2001, с. 143]. Н. В. Маркелов, автор одной из вступительных статей к этому сборнику, радеющий за возвращение памяти о поэте, говорил: «Явную историческую несправедливость необходимо исправить. Это важно и для памяти Соколовского и для нас, его дальних потомков, ибо без памяти о прошлом нет и надежды на достойное будущее» [Там же, с. 5].

Заметно, что посыл отчасти реализован. Наличие литературы, посвященной В. И. Соколовскому, увеличилось. Но пока это только литературоведческий интерес. С лингвистической точки зрения творчество поэта не подвергнуто анализу.

Судьба В. И. Соколовского не только интересна, но, действительно, трагична (биографическую справку см. в Приложении 1). Она не может не вызывать сочувствия. Незаурядная личность, которой являлся поэт, ярко воплощена в языке его произведений. Исследование языка В. И. Соколовского

– это путь к разгадке его личности, что и является главным основанием для нашей работы.

Актуальность исследования мы определяем недостаточной изученностью творчества поэта, желанием узнать больше о его художественном мире, основываясь на мнении руководителя нашего проекта Н. А. Бурмакиной, которая считает, что «актуальность подобных работ обусловлена стремлением воссоздать относительно целостную ЯКМ выдающихся личностей прошлых эпох, необходимостью глубже познать их внутренний мир» [Бурмакина, 2013, с. 29]. Кроме того, мы учитываем мнение И. В. Башковой о том, что «исследование языковой картины мира входит в число приоритетных задач современного языкознания» [Башкова, 2015, с. 112].

Среди первых видных русских ученых, обратившихся к исследованию картины мира языковой личности, называются такие, как М. М. Бахтин, Г. А. Гуковский и особенно В. В. Виноградов: «В. В. Виноградов постоянно подчеркивал, что в подходе к изучению стилевой структуры образа автора можно отправляться не только от явлений действительности и "от общественно-психологического понимания характера", но и «от анализа словесной ткани произведения», – пишет А. И. Горшков [Горшков, 1995, с. 253].

В современном языкознании большое количество работ посвящено исследованию языка писателей и поэтов. Кроме того, существуют работы по исследованию языка литературных персонажей («Языковая личность персонажа в художественном тексте» [Хисамова, 2014, с. 214], «Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М. А. Булгакова)» [Смирнова, 2011], «Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова 80-х - 90-х годов» [Трещалина, 1998] и др.).

Г. Г. Хисамова, рассматривая речевой процесс персонажей рассказов А. И. Куприна, делает вывод о том, что «ориентация на речевое поведение персонажа, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в

условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности во всей совокупности представленных в тексте характеристик» [Хисамова, 2014, с. 217].

А. А. Смирнова в своей диссертации рассматривает особенности реализации психологических типов в произведениях М. А. Булгакова, относящихся к периоду 20-х годов XX века, составляет их классификацию и делает вывод, что «психотип человека (персонажа) способен определять и регулировать выбор вербально-семантических средств в коммуникации данной ЯЛ» [Смирнова, 2011, с. 21].

Целью исследования в работе И. В. Трещалиной является «реконструкция языковой личности персонажа рассказа А. П. Чехова “Скучная история”» [Трещалина, 1998, с. 4]. В результате автор диссертации выстраивает фрагмент функционального тезауруса, который позволяет увидеть особенности чеховского персонажа как языковой личности.

«Языковая личность – это личность во всей совокупности ее качеств, отраженная в языке» [Ашева, 2012, с. 3].

Теоретическая база по изучению всех аспектов языковой личности очень обширна. Мы отметим лишь те работы, которые понадобились для реализации нашего исследования, относящегося к области коммуникативной стилистики текста. В рамках данного направления в науке работают ученые Томского государственного педагогического университета под руководством доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой.

Для выстраивания локальных ассоциативных полей в тексте нам понадобилось изучить ее статью: «Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора» [Болотнова, 2004, с. 20]. Важным для нас в этой работе оказались определения таких терминов, как «ассоциативное поле текста», «поэтическая картина мира», «ассоциативное развертывание». Из двух вариантов последнего нам нужно то, которое «является результатом первичной коммуникативной деятельности автора» и

реализуется в модели на основе «анализа лексической структуры текста» [Там же, с. 20].

Один из методов в нашей работе – метод полевого анализа. В статье И. М. Шеиной «Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта» сказано, что поле обладает «своими свойствами и принципами организации» [Шеина, 2010, с. 69]. Чтобы выяснить вопросы, связанные с описанием лексико-семантического поля, мы изучили работу Т. Н. Куренковой «Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике». В ней с точки зрения полевого подхода показаны разные способы структурирования лексики.

Важной частью для нас явилось описание структуры лексико-семантического поля и его признаков, которые сводятся к взаимосвязанности элементов, их упорядоченности и иерархичности, к ряду отличительных свойств: «отсутствие четких границ, континуальность, незамкнутость, взаимодействие с другими полями, аттракция, наличие лакун, асимметричность построения, автономность, самостоятельность в лексико-семантической системе, специфичность в разных языках» [Куренкова, 2006, с. 176]. Под континуальностью следует понимать непрерывность, под аттракцией – притягиваемость, под лакуной – пропуск значений.

Мы используем в работе лингвокогнитивный подход. Чтобы обосновать такой подход и актуальность заявленного проекта, апеллируем к мнению Н. А. Бурмакиной. Она считает, что «лингвокогнитивный подход изучения творческой языковой личности позволяет сделать объективные выводы о духовных, эстетических и утилитарных ценностях русского этноса, что особенно актуально на современном этапе, так как на рубеже XX–XXI вв. чрезвычайно возрос интерес к проблемам национального характера» [Бурмакина, 2013, с. 2].

Один из принципиальных подходов к исследованию материала в нашей работе – культурологический подход. Из статьи Е. И. Поляковой «Определение концепта на основе лингвокультурологического подхода» мы узнали, что:

«лингвокультурология заняла место самостоятельной лингвистической дисциплины в конце двадцатого века. Лингвистика XXI-го века активно разрабатывает такое направление, где язык рассматривается не просто как орудие коммуникации, а как культурный код нации <...> лингвокультурология и когнитивная лингвистика сосредотачиваются на изучении соотношения языкового значения и культурного смысла» [Полякова, 2011, с. 155, 156].

Выбрав в качестве объекта исследования языковой образ рассказчика в произведении, мы столкнулись с проблемой его идентификации с самим писателем. В данном случае нам понадобилось подробное изучение статьи И. В. Башковой «Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира». В ней автор высказывает важную для решения нашей проблемы мысль о том, что «художественные произведения – это самые значимые текстовые проявления языковой личности писателя, и если тексты в той или иной мере автобиографичны, то писатель сознательно эксплицирует свойства своей языковой личности» [Башкова, 2007, с. 112].

Для исследования из литературного наследия В. И. Соколовского нами выбраны «Рассказы сибиряка» (см. Приложение 2: об истории книги, о сюжете).

В данном случае, нас будет интересовать языковая личность рассказчика в произведении. Поэты, писатели, создавая образ рассказчика, представляют нам личную авторскую «форму литературного артистизма» [Горшков, 1995, с. 256]. Образ рассказчика нельзя отождествлять с образом автора произведения. Но если говорить о стихах – а в произведении, взятом нами для исследования, половина стихотворной речи – то в русской лирической поэзии на этот счет существует мнение о литературном прототипе. Поэт Е. Винокуров, «подчеркивает роль личности в поэзии и полагает: что «в поэзии натура пишущего стихи имеет центральное значение» [Там же].

По причине того, что текст «Рассказов сибиряка» написан и прозой, и стихами, в исследовательской работе мы будем «именовать» нашего рассказчика ещё и повествователем, и поэтом, и героем.

Объект исследования – ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в языковой картине мира рассказчика, являющегося героем-повествователем, а, следовательно, предстающим в качестве действительной языковой личности в произведении.

Предмет исследования – языковые средства, реализующие данные ценностные понятия в произведении.

Цель работы: раскрыть языковую картину мира рассказчика (повествователя) в данном произведении через языковое воплощение общефилософских культурологических ценностных понятий: БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

Задачи: 1. Изучить методологическую базу, позволяющую исследовать языковую картину мира рассказчика в художественном произведении.

2. Рассмотреть с помощью словарей разных эпох национальный взгляд на ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

3. Проанализировать каждое из них применительно к тексту произведения и показать путем описания семантических полей взаимообусловленность данных нравственных ценностей не только для повествователя, но и в целом, для всего русского народа.

4. Сделать выводы о стилистических особенностях речи рассказчика, о его миропредставлении и взгляде на личностную духовную сущность.

5. Доказать нашу гипотезу, что вербализация ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» определяется образом его собеседницы, образом Катеньки.

Методы работы: при обработке материала, выделенного методом сплошной выборки (50 ключевых слов с их вербализованными вариантами), использовались: метод полевого анализа текста, метод семантико-когнитивного подхода, метод количественного подсчета, описательный метод, включающий приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения.

Новизна работы заключается в том, что лингвистические изыскания творчества В. И. Соколовского отсутствуют, и наша работа является

результатом анализа языковой стороны произведения этого писателя. Научная новизна исследования определяется проведением развернутого комплексного анализа конкорданса ключевых слов с его языковым воплощением через семантическое пространство лексических единиц в их контексте.

Практическая ценность работы определяется тем, что данный опыт может служить образцом для студентов-филологов в подобного рода исследованиях в области языкознания; для проведения семинаров по лингвокраеведению. Конкорданс ключевых слов с примерами их вербализации может быть основой для разного рода исследований по языковой картине мира писателя.

Содержание работы: исследование представлено введением, которое содержит обоснование работы, описание предмета и объекта исследования, выдвинутой для доказательства гипотезы, формулировку целей и задач, описание методов, актуальности, научной новизны, практического применения работы. В исследовании две главы. В первой рассматриваются общепhilosophические подходы к интерпретации ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в русской языковой картине мира. Во второй, практической части, проведена работа над языком произведения с целью выявить взаимообусловленность данных ценностных понятий и доказать выдвинутую нами гипотезу, сделаны выводы о языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского. В заключении представлены выводы по всему исследованию, описаны перспективы работы. В приложениях содержатся справочные материалы по биографии В. И. Соколовского, по истории создания «Рассказов сибиряка», список контекстов ключевых слов, взятых в качестве основного материала для исследования.

Текст произведения цитируется по изданию: Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. [Текст] / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — Т. 2. — 768 с. — [с. 90 – 116].

Глава 1. Взаимообусловленность ценностных понятий БОГ, ВЕРА ЛЮБОВЬ, ДУША в русской языковой картине мира

1.1 Ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в современной лингвистической науке

По Ю. Н. Караулову, «завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности». Кроме того, Ю. Н. Караулов утверждает, что существует «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией... и она-то обуславливает возможность выделения в общеязыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части» [Караулов, 2010, с. 36, 37].

В рамках ценностной (аксиологической) картины мира «В. И. Карасик предлагает исходить из следующих положений:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть сводится к различию оценочной квалификации объектов и комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры;

4) в ценностной картине мира существуют наиболее важные для данной культуры смыслы – аксиологические доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Цит. по: Герасимович, 2013, с. 15].

В результате примененного нами метода сплошной выборки из текста «Рассказов сибиряка» было выделено 50 ключевых слов с их

вербализованными вариантами. Путем подсчета их частотности среди выбранных ключевых слов выделились четыре ценностных понятия: БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

Современное языкознание богато работами по исследованию данных четырех понятий, где они рассматриваются на концептуальном уровне: [Калькова, 2009, с. 89], [Базарова, 2011], [Кондратьева, 2005], [Лучкина, 2013, с. 134], [Талапова, 2009], [Якимов, 2012, с. 145]. Из работ названных авторов обратимся к некоторым умозаключениям, чтобы подчеркнуть взаимообусловленность обозначенных ценностных понятий в русской языковой картине мира.

В русской ментальности БОГ, по мнению О. К. Кальковой, является «базовым культурным концептом, на основе которого формировалось сознание русского человека». Согласимся с автором статьи в том, что «русские вкладывают в понятие Бога нечто иное, чем, например, европейцы. В русском понимании Бог – это нечто непознаваемое, таинственное, вбирающее в себя представления о душе, соборности, доброте, открытости, сердечности». Нельзя не согласиться с автором статьи и в ее выводе, что «концепт «Бог» отражает ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа» [Калькова, 2009, с. 91].

Л. В. Базарова считает, что «для православных познание Бога является единственной истинной целью жизни. Основным мотивом действий Бога по отношению к человеку православие называет любовь» [Базарова, 2011, с. 9].

Действительно, в русском православии это отражено в искренней любви к Богу в качестве ответного чувства. В русских пословицах об этом много сказано. Например: «Бог даст роток, так даст и кусок» [Рус. посл., 1988, с. 23]. Хотя рядом видим пословицы, явно неодобрительные, по отношению к деяниям Бога: «Бог сотворил два зла: приказного да козла» и др. [Там же]. Поэтому в русской языковой картине мира, на наш взгляд, отношение к Богу неоднозначное.

Присоединимся к мнению Н. В. Лучкиной о том, что «на протяжении целого тысячелетия не только внутренняя жизнь русского народа, но и внешние события его судьбы были тесно связаны с православием, что не могло не отразиться на типе русской культуры, который в начальный период ее развития можно определить как сотериологический (от греч. «сотерио» – спасение). Любовь человеческая рассматривалась сквозь призму любви божественной. Человек должен был стремиться к одухотворенной любви» [Лучкина, 2013, с. 134].

К. Е. Маковский, великий русский живописец и портретист XIX века, боготворивший женщин, считал, что «язычники понимали любовь как космогоническое начало, <...> при этом любовь выступала как сущность, вносящая гармонию в нарождающуюся Вселенную как упорядочивающее начало...» [Колесов, 2014, с. 423].

По мнению О. Н. Кондратьевой, в статье которой на летописном материале рассматривается концепт «Душа» наряду с концептами «Сердце» и «Ум», говорится: «Душа являлась органом жизни человека, участвовала в его эмоциональной, ментальной и речевой деятельности, с ее помощью строились отношения между человеком и другими людьми, а также между человеком и Богом, поскольку душа (наряду с сердцем) выступает в качестве органа, регулирующего нравственно-религиозную жизнь личности» [Кондратьева, 2005, с. 88].

В работе Т. А. Талаповой, посвященной истории становления концепта «Вера», выполненной на основе этимологических словарей, сделано интересное наблюдение о том, что «первообразом концепта «Вера» является космологический образ дерева, соединявший земной мир с богами» [Талапова, 2009, с. 65].

Вера в Бога – основа религиозного сознания русских людей, прочно продержавшаяся на протяжении одного тысячелетия от Рождества Христова, подвергнувшаяся жестокому гонению в двадцатом веке и, как птица-феникс, возрождающаяся в двадцатом столетии. Русский национальный характер

до сих пор отличается особенной доверчивостью, явно базирующейся на наивности и простоте душевной, которая досталась нам от предков. Многие современные люди после периода правления советской власти вновь прибегают к спасительной вере в Бога.

Таким образом, мы видим очевидные доказательства взаимообусловленности ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША. Среди них трудно выделить главное по роду или виду. Смыслы этих понятий переплетаются, глубоко уходят корнями друг в друга.

Оттолкнувшись от приведенного выше утверждения Ю. Н. Караулова о национально-культурной доминанте, рассмотрим значения данных ценностных понятий с точки зрения общенациональной культуры более предметно. Для этого воспользуемся современными словарями, энциклопедиями и словарями XIX века, чтобы сравнить изменения во взглядах на данные ценности, как в мировой, так и в русской науке и философии. Нам также важно определить взаимосвязь ценностных понятий на основе схождения смыслов, отраженных в словарях. Эта работа представлена в следующей части.

1.2 Компонентный состав ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в русских словарях и энциклопедиях

Начнем с понятия БОГ, которое в современном философском словаре представлено, как «сакральная персонификация Абсолюта в религиях теистского типа: верховная личность, атрибутированная тождеством сущности и существования, высшим разумом, сверхъестественным могуществом и абсолютным совершенством» [Грицанов, 1998, с. 85].

В советском энциклопедическом словаре БОГ – «в религиозных верованиях сверхъестественное существо; в мифологических представлениях политеизма каждый из богов имеет верховную власть над какой-либо частью мирового целого, в теизме единому Богу принадлежит абсолютная власть над миром ("всемогущество"). *Вера в Бога* – основа всякой религии» [СЭС, 1981, с. 150].

В словаре С. И. Ожегова БОГ – «[бох], бога, мн. боги, -ов, зват. боже, м. 1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. Вера в бога. Языческие боги. Б. войны (у древних римлян: Марс). *Возносить молитвы богу (богам)*. 2. (Б прописное). В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Б. един в трех лицах. *Без Бога - ни до порога* (стар.поел. в знач.: Бог помогает во всем). 3. перен. Предмет поклонения, обожания (устар., книжн.). *Музыка - его б.*» [Ожегов, 1990, с. 58].

Из эпохи XIX воспользуемся «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля и «Словарем языка Пушкина».

В первом – БОГ – «м. Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь; Предвечное Существо, Создатель вселенной. Слава Богу, благодаря Бога, благодарственное восклицание, в ответ на вопрос о здоровье. Бог вещь, Бог знает, я не знаю...» [Даль, 2002, с. 137, Т. 1].

Во втором – «**Бог**(917).1. По религиозным представлениям, высшее существо, являющееся творцом вселенной (246). Как труп в пустыне я лежал, И **бо'га** глас ко мне воззвал:... Пророк. 2. По религиозным представлениям древних народов, высшее существо, управляющее миром, природными явлениями, стихиями [ед.и мн.] (103). Кони бледного Плутона Быстро к нимфам Пелиона Из аида **бо'га** мчат.... Прозерпина. 3. Предмет поклонения; кумир (19). О Вольтер! о муж единственный! Ты, которого во Франции Почитали **бо'гом** неким... Бова. 4. Старая звательная форма **боже** в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады (с прилагательными «правый», «праведный», «милостивый» и т.п., в выражениях типа «боже мой», «господи боже мой»)» [СЯП, 2000, с. 130, 131, Т. 1].

Из приведенных выше словарных статей разного времени можно сделать вывод о том, что значения слова **Бог** перекликаются в трактовке «сверхъестественное существо, имеющее власть над миром и являющееся его первопричиной». Ассоциативное поле значений понятия БОГ представлено в данных словарных статьях такими компонентами, как:

- абсолютное существо, являющееся первопричиной всего сущего;*
- высшее существо, являющееся творцом вселенной;*
- предмет поклонения, обожания, кумир;*
- в звательной форме боже в восклицательном значении – указывающий на модальность речи;*
- в христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало - Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.*

Понятие ДУША в философском словаре представлено так: «(греч. psuche, лат. anima): 1. В религии под Д. понимается данная Богом бессмертная, духовная, бестелесная и независимая от тела сущность (природа) человека, его "двойник", активное начало, которое, находясь в теле, определяет индивидуальные способности и личность человека, оживляет ("одушевляет")

его, а покидая - приносит смерть, сама же переселяется в потусторонний мир для вечной жизни или в другие существа (напр., в брахманизме, буддизме).

2. В истории философии термин Д. употребляется иногда в качестве синонима психики и выражает исторически изменявшиеся воззрения на психику и внутренний мир человека, отождествляемый с особой нематериальной субстанцией. Понятие Д. восходит к анимистическим верованиям. Платон отождествлял Д. с вечной идеей, развивая учение о мировой Д. как одном из универсальных принципов бытия; Аристотель понимал под Д. активное целесообразное начало живого тела, неотделимое от него; у Гегеля Д. - низшее, чувственное проявление духа по отношению к материи (чувствующая и деятельная Д.); в дуалистических учениях (Декарт, Спенсер, Вундт, Джемс) - исходное и существующее наряду с телом начало. В новоевропейской философии термин Д. употребляется чаще всего для обозначения внутреннего мира человека, его самосознания. В психологии понятие Д. было вытеснено термином психика» [Грицанов, 1998, с. 228].

В Советском энциклопедическом словаре ДУША – «понятие, выражающее исторически менявшиеся воззрения на внутр. мир человека; в религии и идеалистич. философии особая нематериальная субстанция, независимая от тела» [СЭС, 1981, с. 423].

В словаре С. И. Ожегова находим 5 значений данного понятия: «ДУША, - и, вин. душу, мн. души, душ, душам, ж. 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание. *Предан душой и телом кому-н.* 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая д. Низкая д.* 3. *Перен, чего.* Вдохновитель чего-н., главное лицо. *Д. всего дела. Д. общества.* 4. О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях). *В доме ни души. Живой души нет (никого нет; разг.).* 5. В царской России: крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию. *Ревизская д. Мертвые души (умершие крепостные, также перен.: о людях, фиктивно числящихся где-н.)*» [Ожегов, 1990, с. 186].

В. И. Даль дает следующее определение: «ДУША ж. бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем знач. человек, с духом и телом; в более тесном: | человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: | жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа. | Говоря душа, в знач. человека, разумеют иногда людей обоего пола, либо только мужеского, душу ревизскую, что собственно означает человека податного состояния. | Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.» [Даль, 2002, с. 459, Т 1].

Словарь языка Пушкина содержит 7 значений слова: «ДУША (774). **1.** По религиозным представлениям, нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти (44). Когда бы верил я, что некогда душа', От тленья убежав, уносит мысли вечны, И память, и любовь в пучины бесконечны, - Клянусь! давно бы я оставил этот мир. *Надеждой сладостной младенчески дыша...* **2.** Сущность, основа чего-н. [чего] (1). Царь. - Ты с малых лет сидел со мною в Думе, Ты знаешь ход державного правленья; Не изменяй теченья дел. Привычка Душа' держав. *Борис Годунов* XX 92. **3.** Внутренний, психический мир человека (510). Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души' прекрасные порывы! *К Чаадаеву*. 44. **4.** Чувство, воодушевление; способность ощущать, воспринимать, отзываться (7). Лаура. Подайте мне гитару. (*Поет.*) - Второй. Какие звуки! сколько в них души'! *Каменный гость*. **5.** О человеке, как носителе определённых душевных качеств, свойств (12). - Зачем же так неблагоприятно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомонно Хлопочем, судим обо всем, Что пылких душ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляет иль смешит *Евгений Онегин* VIII **6.** Крепостной крестьянин (33). Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. *Дубровский* 162. **7.** Ласковое, дружеское обращение к кому-н. (93). Ах, женка душа! что с тобою будет? *Письмо Н. Н. ПУШКИНОЙ*. 22 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург. 769». [СЯП, 2000, с. 755, 756, Т. 1].

Итак, опираясь на значения термина ДУША в словарях, сделаем вывод, что понятие это трактуется с точки зрения религии, философии и психологии. В компонентном составе – это:

особая нематериальная субстанция, независимая от тела;

"двойник" человека;

нематериальное начало в человеке, продолжающее свое существование и после его смерти;

исходное и существующее наряду с телом начало;

бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею;

понятие, выражающее исторически менявшиеся воззрения на внутренний мир человека; психика;

внутренний психический мир личности;

ласковое, дружеское обращение к кому-нибудь;

крепостной крестьянин;

чувство, воодушевление; способность ощущать, воспринимать, отзываться;

о человеке, как носителе определённых душевных качеств, свойств;

сущность, основа чего-нибудь;

низшее, чувственное проявление духа по отношению к материи;

в платонизме – один из универсальных принципов бытия.

ЛЮБОВЬ в современном философском понимании – это «универсалия культуры субъектного ряда, фиксирующая в своем содержании глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, векторно направленное на свой предмет и объективирующееся в самодостаточном стремлении к нему. Л. называют также субъект-субъектное отношение, посредством которого реализуется данное чувство. Для носителя Л. она выступает в качестве максимальной ценности и важнейшей детерминанты жизненной стратегии, задавая специфическую сферу автономии: нельзя произвольно ни вызвать, ни прекратить Л., ни переадресовать ее на другой предмет. Атрибутивным

аспектом Л. является особый эмоциональный ореол ее носителя, выражающийся в душевном подъеме и радостной окрашенности мировосприятия. Л. является сложным комплексным феноменом, поскольку возникает в пространстве соприкосновения противоположных начал: индивидуального и общесоциального, телесного и духовного, сугубо интимного и универсально значимого...» [Грицанов, 1998, с. 348].

Энциклопедические представления советского периода прошлого века сводят ЛЮБОВЬ к такому пониманию: «интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею. В древней мифологии и поэзии – космич. сила, подобная силе тяготения. У Платона и в платонизме Л. – *эрос* – побудительная сила духовного восхождения; в обыденном словоупотреблении платоническая Л. – Л., свободная от чувств, влечения. Половая Л. в совр. ее форме индивидуально-избират. чувства – результат длит. ист. развития человеческой личности» [СЭС, 1981, с. 743].

По С. И. Ожегову, «ЛЮБОВЬ, любви, *тв.*, любовью, *ж.* 1. Чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения. *Л. к Родине...* 2. Склонность, пристрастие к чему-н. *Л. к музыке...*» [Ожегов, 1990, с. 335].

В словаре В. И. Даля значение слова проясняется не в отдельной статье, а внутри значения глагола **Любить** как производное от него «...*любовь ж. об.* (прк. Любы, род. Любве) состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделение, охота, расположение к чему. ... *Божья любовь безгранична. ...*» [Даль, 2002, с. 234, Т. 2].

Словарь Пушкина дает следующее толкование: «**ЛЮБОВЬ** (630). 1. *Чувство привязанности, симпатии, расположения к кому-, чему-н.* (44). **Любо'вь** и дружество до вас Дойдут сквозь мрачные затворы, Как в ваши каторжные норы Доходит мой свободный глас. *Во глубине сибирских руд...* 25. 9. ... 2. *Чувство влюблённости, влечение к лицу другого пола* (547). Я вас любил: **любо'вь** еще, быть может, В душе моей угасла не совсем; Я вас любил:

любовь, ещё быть может... 131. 1. ... 3. Склонность, расположение, пристрастие к чему-н. (33). Негодование, сожаленье, Ко благу чистая ЛЮБО'ВЬ, И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь. Евгений Онегин II 9» [СЯП, 2000, с. 549, 550, Т. 2].

Общее понимание в истории философии и культуры термина ЛЮБОВЬ сводится к такому компонентному составу:

глубокое самоотверженное чувство сердечной привязанности к чему-либо или к кому-либо;

половая любовь в современной ее форме – индивидуальное избирательное чувство, которое является результатом длительного исторического развития человеческой личности;

чувство влюблённости, влечение к лицу другого пола;

состояние любящего, страсть;

любовь к Богу;

любовь – эрос – побудительная сила духовного восхождения; в обыденном словоупотреблении платоническая любовь;

в древней мифологии и поэзии – космическая сила, подобная силе тяготения;

универсалия культуры, для носителя любви она выступает в качестве максимальной ценности и важнейшей детерминанты жизненной стратегии.

О понятии ВЕРА словарь А. А. Грицанова дает объемную философскую трактовку, из которой мы возьмем лишь существенную для нас часть: ВЕРА – это «глубинная общечеловеческая универсалия культуры, фиксирующая комплексный феномен индивидуального и массового сознания, включающий в себя такие аспекты, как гносеологический (принятие в качестве истинного тезиса, не доказанного с достоверностью или принципиально недоказуемого), психологический (осознание и переживание содержания данного тезиса в качестве ценности, решимость придерживаться его вопреки жизненным обстоятельствам и сомнениям, выступающая глубоким мотивационным

фактором личной жизненной стратегии – вплоть до самоотречения: "верю" как "верую") и религиозный (при отнесении содержания объекта В. к сфере сверхъестественного) ...» [Грицанов, 1998, с. 112].

Советский энциклопедический словарь не содержит в своем составе отдельной статьи со значением понятия ВЕРА, а поясняет его внутри словарной статьи к слову БОГ: «Вера в Бога – основа всякой религии» [СЭС, 1981, с. 150].

В словаре С. И. Ожегова сказано, что «ВЕРА, -ы, ж. 1. Убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-л. *В. в победу. В. в людей.* 2. Убежденность в существовании высших сил, божества. *В. в бога.* 3. То же, что вероисповедание. *Христианская в. ...*» [Ожегов, 1990, с. 78].

ВЕРА по словарю В. И. Даля – это «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; | верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; | совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство. | Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание; | стар.клятва, присяга. ...» [Даль, 2002, с. 194, Т. 1].

Словарь языка Пушкина представляет 2 статьи с данным понятием. «**ВЕРА** (53). 1. *Религиозное чувство* (40). Прости, печальный мир, где темная стезя Над бездной для меня лежала – Где **ве'ра** тихая меня не утешала *Элегия* («Я видел смерть; она в молчаньи села...») 76. 15. Имея мало истинной **веры**, он имел множество предрассудков. *Пиковая дама* 246 11. *перен.* Не веровал я троице доныне: Мне бог тройной казался всё мудрен; Но вижу вас и, **ве'рой** одарен, Молюсь трем грациям в одной богине. *Кж. УРУСОВОЙ* 306. 3. || *Религия, религиозное учение.* Меж горцев пленник наблюдал Их **ве'ру**, нравы, воспитанье *Кавказский пленник* I 227. Черкесы очень недавно приняли магометанскую **веру**. *Путешествие в Арзрум* 449. 32. *перен.* Беллона, Муза и Венера, Вот, кажется, святая **ве'ра** Дней наших всякого певца *Послание В. Л. Пушкину* 94. 11. 2. *Уверенность, надежда* (10). С надеждой, **ве'рою** веселой

Иди на всё, не унывай; *Руслан и Людмила* I 255. На руль склонясь, наш кормщик умный В молчаньи правил грузный чолн; А я – беспечной **ве'ры** полн - Пловцам я пел... *Арион* 33. 7. ◊ В *соч.* (3). верой и правдою: Лет двадцать пять служил он в сем звании **верой** и правдою *Гробовщик* 91. 12.»

ВЕРА (2). В *соч.* служить верою: Служили **ве'рою** царям *E* 405; служить верой правдой: служил **верой** правдой сперва одному отечеству, потом другому *Ж'412. ...»* [СЯП, 2000, с. 231, Т. 1].

Во всех словарях мы видим сходное значение в понимании того, что ВЕРА – это «религиозное чувство», «уверенность, убеждение в чем – либо», что понятие это – универсалия как мировой, так и русской культуры. Компоненты ассоциативного поля понятия ВЕРА в словарных статьях сводятся к следующим значениям:

религиозное чувство;

уверенность, надежда; упование, ожидание;

убежденность в существовании высших сил, божества;

глубинная общечеловеческая универсалия культуры, фиксирующая комплексный феномен индивидуального и массового сознания.

Итак, рассмотрев значение ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША с помощью словарей и энциклопедий, приходим к выводу о том, что все четыре ценности в общенациональной и русской языковой картине мира относятся к универсалиям, определяющим основные постулаты человеческой жизни.

Человечество, до сих пор не постигшее тайну мироздания, живет с именем Бога на устах, с верой в существо жизни, с любовью к ней и к Богу в своей душе. Более того, каждый индивид может претендовать на личную собственность в этом плане. У каждого народа свой Бог. У каждого – свои постулаты веры. Каждый считает, что его любовь ко всему сущему особенная. А душа каждой личности – это бесконечный, как сама Вселенная, никогда не познаваемый в полной мере, мир.

Мы в своем исследовании языковой личности рассказчика в произведении В. И. Соколовского именно по этим причинам не претендуем на исчерпывающее описание его мировоззрения и всех его личностных качеств. Во второй главе нашей работы лишь сделаем акцент на представлении рассказчиком перечисленных выше универсалий человеческой жизни.

В силу ограниченного объема исследовательской работы, мы вынуждены также предупредить, что семантический анализ единиц, взятых в разработку, далеко не исчерпывает всех возможных доказательств. Во многих научных исследованиях [Караулов, 2010, стр. 24; Муллагаянова, 2015, с. 104] говорится о том, что составить окончательный вариант тезауруса невозможно из-за бесконечности смысловой стороны понятий. Группы слов, взятых в соотношение к заявленным в теме четырем ценностным понятиям, соотнесены с ними лишь в силу нашего личного, читательского, ассоциативного представления. Это попытка на отдельных примерах показать взаимообусловленность между данными ценностями вообще и в языковой картине мира рассказчика в частности.

Глава 2. Ценностные понятия БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в индивидуально-языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского

2.1 Ценностное понятие БОГ в языке повествователя «Рассказов сибиряка»

Предваряя практическую часть нашего исследования, считаем нужным, обратиться к цитате Д. Э. Розенталя: «Окружающий нас мир вещей, природные явления, качества, действия, которые мы воспринимаем во всей их многогранности и взаимообусловленности, запечатлены в словах, и они также не изолированы друг от друга, а представляют собой сложную систему» [Розенталь, 2003, с. 5].

Лексема **Бог** в произведении В. И. Соколовского употребляется рассказчиком в качестве старой звательной формы, о значении которой указано в словаре языка Пушкина ‘... в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады,... в выражениях типа «боже мой», «господи боже мой» в таких вербализованных единицах, как: *«Ах! Скольких бы тогда, мой Боже! / не напроказил я проказ!; Боже ты мой!..; Если (чего Боже сохрани!) вы знаете по-монгольски...; Боже мой! Ведь я и позабыл, что он перед смертью постился пятьдесят два года: до красоты ли тут?; Ах, Боже мой!/ Да что за чудо!; Нет! Что вы?.. Боже сохрани!; «Боже мой! Как это скучно!.. говорите!»* (с. 92, 95, 103, 105, 115).

Что это говорит о личности рассказчика? Что речь его передает преувеличенное возвышенно-восторженное, отношение к описываемым событиям. Состояние речи передано наличием восклицательной интонации. В данных примерах мы видим наличие эмфазы – эмоционального, взволнованного построения ораторской и лирической речи. По мнению И. Б. Голуб, «приемы, создающие эмфатическую интонацию, свойственны, преимущественно, поэзии и редко встречаются в прозе, <...> рассчитаны не на

зрительное, а на слуховое восприятие текста, позволяющее оценить повышение и понижение голоса, темп речи, паузы, то есть оттенки звучащей фразы» [Голуб, 2010, с. 426].

Рассказывая своей собеседнице Катиньке о шагямунианской вере, повествователь употребляет понятие БОГ и в прямом его значении, а именно: ‘... высшее существо, являющееся творцом вселенной; По религиозным представлениям древних народов, высшее существо, управляющее миром, природными явлениями, стихиями...’: *«И надо ж побояться Бога; ... что вместе с мирами будут переменяться и боги; ... таким образом, все боги, которые управляли мирами ... называются...; Нестерпима казнь ужасная грозных Божиих мечей...; Ваши сладкие слова; <...> долетят они до Бога!; и др.* (с. 99, 105, 115).

Такие идиомы, как **Боже сохрани**, в значении ‘выражение нежелательности и предостережения, бесповоротного отрицания’ [Антонова, 2014, с. 21]; **Господи прости**, в значении ‘отв. просящему прощения в вине’ [Даль, 2002, с. 138, Т. 1]; **Бог с ними**, в значении ‘ну и ладно, пусть будет так, как есть’ [Антонова, 2014, с. 21]; **Ради Бога или Бога ради**, в значении ‘очень прошу, пожалуйста (употр. для усиления, подчеркивания мольбы, просьбы)’ [Антонова, 2014, с. 413]; **Божуся вам богами**, идентично **Клянусь Богом**, в значении ‘клятвенно обещать (или заверять) / именем бога’ [Александрова, 1993, с. 152] – употребляются рассказчиком очень часто, характеризуя его, как человека, который готов всякую минуту держать ответ перед Богом, который ощущает, что Бог всегда с ним: в его сознании, душе, сердце, несмотря на то, что в прямом обращении к Богу мы застаем рассказчика лишь единожды, в конце повествования: *«Господи, прости мои согрешения!..»* (с. 118). БОГ – высшая для него инстанция, отпускающая земные грехи.

Деривационное пространство лексемы **Бог** наполняется образованием от него производных существительных: *богиня, боже, божество, богослужение*; прилагательных, *божий, божиих* в значении ‘принадлежащий, свойственный богу (Божиих мечей), исходящий от бога (Божий свет)’ [Даль, 2002, с. 142, Т

.1]; одним наречием *безбожно*, употребленным в составе идиомы: «... *прикинется безбожно*», имеющей значение ‘бессовестно, нечестиво’ [Даль, 2002, с. 98, Т. 1]. Здесь и далее при описании деривационной группы понятий использован «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов, 1978].

Лексема *Бог* сочетается отношениями синонимии с такими лексемами, как *Господь*, *Творец*, *божество*, *Великий обладатель вселенной*, *Царь*, *Всесовершенный царь*: «*Все та же над ним любовь Господня, / И то же в нем из ада – я; Как я не умер, мой Творец? ; Брахма, первое свойство сего божества,..; Этот Джалбу, или Рануза, титуловался священным именем: Великого обладателя Вселенной; В каком-то усыплены сладком / Царек вступил на Божий свет*» (с. 96, 98, 99, 113, 117).

Чтобы выявить синонимическую зависимость в паре *Господь* – *Бог*, обратимся к этимологическому словарю: «Бог. Общесл., имеющее соответствия в некоторых индоевр. яз. (ср. др.-инд. bhagas – «одаряющий господин», bhagas – «богатство, счастье», др.-перс. Вага – «господин, бог» и др.) [Шаповалова, 2009, с. 23].

Как мы видим, одним из древнеперсидских значений слова «Бог» является «Господин», усеченный вариант которого есть «Господь».

На периферии значений лексемы *господь* лежит употребление повествователем слов *господа*, *государя*, *государство* и производного от них: *господствующею*. Доказать родство значений через данное утверждение сможем, обратившись к словарю В. И. Даля, где «*господь* – ‘м. встарь, государь, господин; ныне, Всевышний, *Владыка*, Бог, Создатель’; господин *государь* – м. всякий светский *владыка*, верховный глава страны, владетельная особа: император, *царь*, король, владетельный герцог или князь...; *государство* – ‘*царство*, империя, королевство, земля, страна под *управлением* государя» [Даль, 2002, с. 359, Т. 1].

Лексема *Творец* сходна с лексемой *Бог* в значении ‘по религиозным представлениям, *высшее существо, являющееся творцом вселенной*’ [СЯП, 2000, с. 130, Т. 1].

Поможет утвердиться в отношениях синонимии и «Словарь синонимов русского языка», где к слову *Бог* в качестве синонимов приведены: «божество, верховное существо, творец, создатель, господь (бог); боженька (*ласк. или ирон.*); всевышний, всемогущий, вседержитель (*высок.*); вышний (*устар. Высок.*); предвечный, царь (*или отец*) небесный (*церк.*) / в греч. Мифологии: небожитель (*книж.*)» [Александрова, 1993, с. 29].

На периферии лексико-семантического пространства лежит употребление лексемы *Бог* и представленных ее вариантов внутри фразеологических единиц или в грамматической связи с ними: «*Ведь как прикинется безбожно*» (с. 90), значение идиомы мы объяснили выше; «*Скажите прежде – и безбожно / Вам стали б ту же песню петь*» (с. 92); в значении ‘повторять то, что уже говорилось’ с дополнительным значением ‘бессовестно’: «*Началась потасовка... <...> и кончилась тем, что ассири, как побежденные, сперва подавай Бог ноги, а потом дали тягу на Сюммер...» (с. 107), в значении ‘найти силы убежать’, подкрепленное в контексте пояснительным значением идиомы «*дали тягу*», схожей по смыслу с фразеологизмом «*давать стрекача*», в значении ‘стремительно, поспешно убежать, пускаться наутек’ [Антонова, 2014, с. 124].*

Лексему *Бог* можно ввести в ассоциативные отношения с некоторыми из отобранных для анализа ключевых слов по группам: с *понятиями философского характера: любовь, зло, добро, душа, жизнь, мир, совесть, истина, тайна*; с *понятиями религиозно-мифологического характера: ангел, вера, грех, покаяние*; с *понятиями космологического характера: небо, земля, вселенная, бесконечность, солнце, луна, звезды*.

Чтобы доказать верность нашего предположения в отношении связи лексемы *Бог* с *философскими понятиями*, оттолкнемся от основного ее значения: ‘существо, управляющее миром’ [Ожегов, 1990, с. 58]. Лексема *мир* в

значении ‘отдельная область жизни, явлений, предметов. *Внутренний мир человека*’ [Ожегов, 1990, с. 356] вводит в семантическое пространство лексему *душа*, так как одно из значений последней и есть ‘внутренний мир человека’. Через понятие *душа* в семантическое пространство входят такие понятия, как *добро – зло* через значение ‘то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая душа. Низкая д.*’ [Ожегов, 1990, с. 186].

Понятия *совесть, истина* могут относиться к данному семантическому пространству через значение ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми. *Со спокойной совестью делать что-н.*’ [Там же, с. 739]. Понятия *жизнь* и *тайна* вводятся в семантическое пространство через значения ‘совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. *Возникновение жизни на Земле*’; ‘нечто неразгаданное, еще не познанное. *Тайны Вселенной*’ [Там же, с. 197, 785].

Приведем примеры вербализации и количественного состава данных лексем в конкордансе ключевых слов. Рассмотрим их языковое воплощение.

Лексема *мир* реализована в 23 контекстах. В прямом значении, например, в таких вариантах: «*В настоящее время Шагя-Муни, как Шикеафо нашей вселенной, сосредоточив в себе всю возможность власти общего управления над существующими теперь мирами, приятельски поделился с другими бурханами относительно частей*» (с. 105); «*В то же время около Сюммера образовались четыре великих мира...*» (с. 101).

Данная лексема в некоторых контекстах употреблена в переносном смысле: «*Весь наш ученый мир в страшном заблуждении*» (с. 102). «*Ученый мир*» употреблено в значении ‘*Научный мир. Объединенное по каким-н. признакам человеческое общество*’ [Ожегов, 1990, с. 356]. Следующий пример: «*Когда в пленительной надежде в подлунном мире я искал / Красот высоких идеал*» (с. 91). В словосочетании «*в подлунном мире*» лексема *мир* употреблена в значении ‘(устар. высок.) – то же, что вселенная’ [Ожегов, 1990, с. 536].

Рассмотрим еще два контекста с переносным значением: *«Да! В кодексе мирских условий / Давно введен закон такой»; «Так, например, бурхану Мандари и будущему преемнику его Мандзошири он препоручил наблюдать, чтобы в мире шло своим порядком»* (с. 94, 105). Лексема **мир**, употреблена в значениях ‘светская жизнь в противоп. монастырской, церковной жизни’, ‘согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны’ [Ожегов, 1990, с. 356]. В контексте *«Ничтожный мир забыть хотят»* (с. 92) к лексеме **мир** употреблено прилагательное *ничтожный* с экспрессивно-сниженным оценочным характером.

Лексико-семантический анализ понятий ДУША и ЛЮБОВЬ будет проведен при их подробном анализе далее.

Конкорданс лексем **добро** – **зло** в количественном составе представлен соотношением 15/12 единиц соответственно. Обе единицы речи, употребленные в прямом значении противопоставления: ‘все положительное, хорошее, полезное’ – ‘нечто дурное, вредное, противоположное добру’ [Ожегов, 1990, с. 172, 232], мы видим во всех контекстах. Приведем пример: *«Однако ж во всяком худе есть добро... – (А как случилось это зло, / До нас в рассказах не дошло)»* (с. 110, 113). «В современной науке, – пишет И. Б. Голуб, – явление антонимии рассматривается как особая дополнительная характеристика лексического значения слова»; «контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, тесно связаны между собой. Слово *добрый* вызывает в нашем сознании слово *злой* <...> Антонимы не только взаимно отрицают, но в то же время и предлагают друг друга»; «принадлежат к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия» [Голуб, 2010, с. 34, 35].

Лексема **жизнь** представлена в 28 контекстах, в значениях ‘физиологическое существование человека, животного, всего живого’; ‘время такого существования от его возникновения до конца. А также в какой-н. период’; ‘оживление, проявление деятельности, энергии’. Например: *«Когда мне случается думать о вас (а я это делаю беспрестанно с тех пор, как*

недавно увиделся с вами первый раз в жизни); Мне жизнь – печаль, мне свет – пустыня!; Изнуряя тело, он провел в пустыне остальную часть жизни своей...; Они никак не могут различить <> духа разумения, который проявлен <> в человеке от неистоимого духа жизни» (с. 90, 92, 100, 113).

Интерес представляет употребление лексемы **жизнь** в составе фразеологизмов в таких контекстах, как: «*В окончании кутерьмы они выйдут на белый свет и станут себе жить да поживать*»; «... *жили себе припеваючи бессмертные духи генгери*» (с. 104, 107). Значения фразеологизмов синонимичны, их характер сказовый, схожий с фразеологизмом «*как сыр в масле кататься*» в значении ‘жить в полном довольстве, не испытывая ни в чем нужды, недостатка’ [Антонова, 2014, с. 212].

Лексема **тайна** (представлена в 15 контекстах) выступает в речи рассказчика в таких значениях: ‘Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет. *Хранить тайну. Держать в тайне. Сердечные тайны*’; ‘скрытая причина чего-н. *Тайна успеха. В чем т. ее обаяния?*’ [Ожегов, 1990, с. 785] – «... *послушайте лучше о моих сердечных тайнах*»; «*У женщин вечно та же сказка, / Чуть тайна есть, - так есть и ласка*» (с. 92, 108). Образованные от лексемы прилагательное *тайный* и наречия *тайно, таинственно* вносят дополнительные значения ‘составляющий тайну для других, не известный другим, не явный, не открытый. *Тайное свидание*’; ‘многозначительный и загадочный’ [Ожегов, 1990, с. 785] – «... *ламы употребляли все средства, чтобы увенчать успехом свое тайное предприятие*»; *И в таинственной дали / Долетят они до Бога (о словах); «Таинственно о светлой цели / Какой-то голос мне шепнул*» (с. 97, 107, 115). Лексема **тайна** в контексте «*Взгляните, любуйтесь, прелестная дева, / Как тучи далеко за горы слились, / Как сладкою тайной наполнилась высь!*» (с. 116) в сочетании с прилагательным *сладкою* через его переносное значение ‘приятный, доставляющий удовольствие’ [Ожегов, 1990, с. 726]; ‘счастливый’ [Александрова, 1993, с. 404] вступает в синонимические отношения с понятием СЧАСТЬЕ = ‘блаженство’ [Там же, с. 435].

Таинственность поступков человека противопоставлена таинственности жизни.

Кроме этого, лексема **тайна** в речи рассказчика отражена в контекстуальных синонимах: «Опять мне новая загадка!»; *Тогда ему от вас украдкой / Дивлюсь и все не надивлюсь»* (с. 111, 112).

Употребляется данная лексема и в составе фразеологизма «*И ничего греха таить, / Хоть и без умыслу – а ели...*» (с. 110) в значении ‘не нужно, не стоит скрывать’ [Антонова, 2014, с. 310].

Взаимообусловленность по значению лексем **совесть** и **истина** (в 12/3 контекстах) мы уже объясняли выше. Рассмотрим, как они реализуются в речи рассказчика. Контексты: «У меня точно удивительно как много совести»; *А, верно, совесть есть навряд / В ином ханже красноречивом»; Мне как-то совестно немного / В стране невыносимых благ»; Тут я бы мог кончить мой третий рассказ, но совесть моя заставляет меня сделать наперед поправку в первом» (с. 91, 103, 106); – «Вы не верите? Так загляните же в любую мифологическую монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная истина...» (с. 102) представляют лексему в значении ‘прирожденная правда в различной степени развития’ [Даль, 2002, с. 115, Т. 4]. Нетрудно сделать вывод о приверженности нашего рассказчика к правде, прийти к заключению о его совестливом отношении к поступкам.*

Отношения лексемы **Бог с группой религиозно-мифологических понятий** начнем с определения взаимообусловленных соотношений в значениях понятий БОГ – ВЕРА (РЕЛИГИЯ). Лексема **Религия** в значении ‘одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов)’ [Ожегов, 1990, с. 674] позволяет включить в лексико-семантическую группу понятие ВЕРА в значении ‘вероисповедание’ [Там же, с. 78]; понятие ДУХ, в значении ‘в религиозно-мистических представлениях: бесплотное сверхъестественное существо. Святой д. Злой, добрый д.’ [Там же, с. 186]; понятие АНГЕЛ в значении ‘существо духовное, одаренное разумом и

волею. Спаситель. *Ангел-хранитель*, приставленный Господом к человеку, для охраны его. *Ангел света, благой добрый*’ [Даль, 2002, с.60, Т. 1]. Понятие ГРЕХ в одном из значений ‘поступок, противный закону Божию; вина пред Господом’ [Даль, 2002, с. 366] помогает ввести в семантическое пространство понятия ВИНА = ГРЕХ = ИСКУПЛЕНИЕ через значение понятия *искупитель* – ‘избавитель,.. <...> *Искупителем зовем мы Спасителя, Господа Иисуса Христа*’ [Даль, 2002, с. 46].

Анализ вербализованных единиц понятия ВЕРА будет предложен далее.

В данной группе религиозно-мифологических понятий интересно отметить взаимосвязь между такими лексемами, как *ангел – дух*. В языке рассказчика, в таких контекстах, как «*Здесь, по словам иных, они назвались духами аминами, и с этих-то пор начинается рассказ, который решительно не подвержен никакому сомнению*»; «*Проходили сотни тысяч лет; казалось, что былое опять начинает веять на них своим упоением, вдруг один из духов нашел Шиме, или земное масло, как называют другие*» (с. 108, 109) лексема *дух* употребляется в прямом своем значении.

Но мы видим ее в речи рассказчика и в переносных значениях: ‘сознание, мышление, психические способности’, ‘внутренняя моральная сила’ [Ожегов, 1990, с. 186] в таком контексте, как: «*Они никак не могут различить бессмертного духа разумения, который проявлен только в одном человеке от неистощимого духа жизни, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе*» (с. 113, 114).

Лексема *ангел* (8 вербализованных единиц) в основном употребляется рассказчиком в переносном смысле. С ангелом он сравнивает свою собеседницу, вообще возлюбленную и ангельскими считает все проявления ее характера – «*Я все пишу для ангельской улыбки; Когда мы ангела найдем, / Услышим сердца звук ответный; Толпа безумно лепетала / Урок приличий заказной / И неприметно за собой / Вас, милый ангел, увлекала*» (с. 95, 106).

Лексема *Бог* через отрицательное значение лексемы *ангел* – ‘злой дух’ [Даль, 2002, с. 60, Т. 1] вступает в антонимические отношения с лексемой

демон в таком контексте, как: «На нижней полосе этой горы живут злые духи. <...> Видите ли вы Ассири?.. Это существа средние между человеком и демоном, то есть они сбивают и на того, и на другого...» (с. 103).

Понятие ГРЕХ – одно из ключевых в повествовании. Об этом говорит количество контекстов с данной лексемой (их 27). Рассказчик рассматривает проблему греховности человека и серьезно и иронично. Причисляя себя к грешникам, говорит: «Что ж до меня, то я сначала / Кажусь на грешника похож», но тут же опровергает это впечатление: «И вот во мне что только ложь, / А впрочем, я предобрый малой!...» (с. 90). И все-таки он испытывает потребность покаяться, но только лишь в силу своей правдивости: «Я вам покаюсь, чем жизнь моя грешна, / Я вам перескажу интриг минувших повесть, / Тогда вы скажете, прощая шалуна: / «Ну, в этом есть, по крайней мере, совесть!»» (с. 91).

Повествуя об истории жизни Шагя-Муни, он описывает все, что ожидает человечество за земные грехи: «Слетят на землю семь мечей, — / И все живущее созданье, / И весь людской греховной род / Под этой казнию умрет; Так, например, у них в одном / Согреют грешников огнем; / В другом морозом их пришколят; / А там, от скуки, попилят; / А там хоть рад, или не рад — / Держать диету приневолят» (с. 104, 106).

Ирония не покидает рассказчика до последней части повествования. В ней он перечисляет действительные свои грехи: «страсти зlobные», «чувства в диком забытьи», «мятеж губительный», «бурю губельных страстей» (с. 115). Надеждой на спасение от грехов выступает образ возлюбленной Катиньки. Она становится символом искупления его грехов: «Вдруг, как ангел искупленья, / Передо мной явились вы!...» (с. 116). Последняя фраза – явное заимствование из «К*» А. С. Пушкина: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты» [Гейченко, 1987, с. 42].

Лексема **грех** выступает в прямой синонимической зависимости с лексемой **порок** (7 вербализованных единиц) в таких контекстах: «Поверите ли

вы, прелестная Катинька, что разность в цвете лица породила ужасный грех гордости?..» – «Вы слетели, как с небес, / И во мне порок исчез» (с. 112).

Понятия космологического характера входят в лексико-семантическое пространство данной лексемы через значение ‘Бог – создатель Вселенной’ [Даль, 2002, с. 137, Т. 1]. Понятия ВСЕЛЕННАЯ = БЕСКОНЕЧНОСТЬ взаимообусловлены в значениях ‘мир, космос, мироздание’ [Александрова, 1993, с. 58] и ‘мир, безграничный во времени и пространстве’ [СЭС, 1981, с. 255]. Эти значения вводят в семантическое пространство понятие НЕБО через значение ‘вся ширь и глубь Вселенной’ [Даль, 2002, с. 417, Т. 2]; понятия ЗЕМЛЯ – СОЛНЦЕ – ЗВЕЗДЫ – ЛУНА в значениях: ‘планета, один из миров <...> вокруг Солнца’ [Там же, с. 602, Т. 1]; ‘одно из светящихся (самоцветных) небесных тел, видимых в безоблачную ночь’ [Там же, с. 597, Т. 1].

В языке рассказчика лексема **вселенная (бесконечность)** употреблена в 11-ти контекстах в прямом значении: ‘все мироздание, весь мир’; [Ожегов, 1990, с. 108]: «Ему вселенная видна» (с. 103). К лексеме **вселенная** есть в речи рассказчика контекстуальный синоним: «И надежда, сладко вея / Из надзвездной высоты / На восторги неземные, / Зажигала огневые, / Вдохновенные мечты...» (с. 116).

Второе значение лексемы **вселенная** – ‘вся земля, все страны’ [Ожегов, 1990, с. 108] связывается с употреблением лексемы **земля** (25 вербализованных единиц) в ее космологическом значении ‘планета Солнечной системы, вращающаяся вокруг Солнца’.

Лексема **солнце** (7 вербализованных единиц) употребляется в речи рассказчика почти всегда в связи с лексемами **луна, звезды** (4/5 вербализованных единиц) как представление о едином космическом пространстве. Примеры: «От движения дуновенья составилось облако; из облака родились воды, Потом из вод – земля и камень; / Потом от тренья сих начал / Во тьме хаоса просиял / Неугасимый, яркий пламень; Окружность вселенной простирается до 30000000 верст, разумеется, выключая солнце, луну и звезды...; Тут понадобились и солнце, и луна, и звезды, и все это было

тотчас же сотворено» (с. 101, 103, 109). Понятие ЗЕМЛЯ в переносном значении является олицетворением страдающего существа, предметом жалости: *«Но вечность – не удел земли! ; Не видали ль вы, прелестная, / Не видали ль вы порой, / Как идет гроза небесная / Над испуганной землей?»* (с. 116).

Итак, мы объяснили взаимосвязь значений лексем из группы философских, религиозно-мифологических, космологических понятий, включенных посредством перетекания их значений из одного в другое с понятием БОГ. На примерах контекстуальных единиц данной группы раскрыли некоторые представления о мире рассказчика в произведении, выделили его отдельные черты характера и описали отношение к жизни и к пониманию Бога.

Итак, в языковой картине мира повествователя лексема **Бог** употребляется в следующем компонентном составе:

абсолютное существо, являющееся первопричиной всего сущего;

высшее существо, являющееся творцом вселенной;

предмет поклонения, обожания, кумир;

в звательной форме божье в восклицательном значении – указывающий на модальность речи;

Данный компонентный состав, как мы видим, почти не отличается от общепринятого мировоззренческого восприятия понятия БОГ. Но в «анатомически разъятой» языковой картине мира рассказчика оно является сублимацией всех не менее важных понятий, представляющих его жизнь, его внутренний мир. БОГ – это все, что есть в мире: космос, с его составляющими, нравственные понятия, мифологический и бытовой практический опыт жизни.

Сделаем выводы о том, какую роль играет ценностное понятие БОГ в языковой картине мира рассказчика.

Речь о Боге рассказчик заводит тогда, когда начинает рассуждать о простоте сердечной, которая, по его мнению, исчезла в людях: «...*простота в смешное/ Обращена людьми давно..*»; «*сердце с языком в разладе...*»; «*С иным заговори поди:/ Ведь как прикинется безбожно!*» (с. 90). Последняя фраза говорит о том, что рассказчик не видит в людях готовности жить по божеским заповедям, по совести: «*Да! Нынче совесть стала дивом*» (с. 91). Повествуя о друзьях, которые на просьбу о помощи «*безбожно*» отказывают, говоря, что «*... это сделать невозможно*», герой произведения не скрывает разочарования в таких друзьях. Себя он относит к людям другого рода: «*Я не дался в иных...*» (с. 91, 92). Иронично характеризуя себя как человека честного и серьезного, он, вроде бы шутливо, заручившись верой в бога, «*...но я божуся вам богами*», начинает рассказ о своих «*сердечных тайнах*» (с. 92, 94...).

С просьбой «*ради Бога*» (с. 95, 96), пожеланием «*Боже сохрани!*» (с. 95, 105) часто обращается к своей собеседнице, к господам ориенталистам, с которыми на страницах книги он также ведет условный разговор.

Осуждая человека за то, что со временем он не меняется в сути своей, рассказчик говорит: «*Все тот же он, мои друзья, / Вчера, и завтра, и сегодня: / Все та ж над ним любовь Господня, / И то же в нем из ада – я*» (с. 96). Напрашивается умозаключение о том, что, по мнению рассказчика, человек не заслужил любви Господа.

Перенося собеседницу «*в хаос индийского мистицизма и мифов*» (с. 98), герой начинает рассказ, как возникло учение Шагя-Муни. Здесь упоминается индийский бог, который несколько раз сходил на землю, чтобы исправить развратившихся людей и рассказывается процесс мироздания у монголов. И в этом рассказе Шагя-Муни исполняет все, что присуще настоящему богу – создателю мира: «*От движенья дуновенья составилось облако; из облака родились воды, Потом из вод – земля и камень; / Потом от тренья сих начал / Во тьме хаоса просиял / Неугасимый, яркий пламень*» (с. 101).

Рассказывая о монгольских богах, повествователь не забывает ни на минуту о своем Боге. Вспоминая осуждающий взгляд собеседницы при встрече с ней, он говорит: *«Я вспыхнул весь, мои глаза / К земле неволью опустились;/ Но укрепил меня мой Бог / Я робость в сердце перемог...»* (с. 107). Рассказчик уповает на силу воли, которую ему дает вера в Бога.

В последней части «Рассказов...» шутливо-ироничное и легкое отношение к Богу меняется на серьезное. Герой, соотнося личную судьбу с судьбой раскаявшегося Шагя-Муни, начинает свою исповедь. И теперь вполне можно оценить значение Бога в его жизни. Он говорит, что *«Нестерпима казнь ужасная / Грозных божских мечей»*, что *«В миг ужасный пробуждения / Цепь греха»* он *«грыз и рвал...»*, что надежда на спасение – это *«сладкие» сострадательные слова его собеседницы – «Девы, девы-красоты!»*, которые долетят до бога в защиту страждущего (с. 115). Думается, что поэту тяжело осознавать свои грехи. Назначив свою собеседницу посредником между ним и Богом, уповая на ее слова в защиту страждущего отпущения грехов, рассказчик рад осуществлению своей главной мечты. Для него важно то, что сбылась мечта найти сочувствие хотя бы одного человека: *«Что и мне, и мне, мой Боже! / Ниспослал ты благодать»* (с. 116). Эти строки драматичны по характеру. Одиночество рассказчика среди людей, одиночество среди поэтов отзывается болью в его душе и в душах читателей. Одиночество до той степени, что он находит утешение в разговоре с воображенной им собеседницей – Катинькой.

В конечных поэтических строках он поет осанну Господу, вознесясь к нему мечтой. В понятие БОГ рассказчик включает *«зелень живую»*, *«цветов аромат»*, *«небес бирюзу»*, *«яхонт эфира»*, *«знаменье небесного мира»*, *«неба улыбку»* – все это сливается в образ *«отрады святой»*. Благоговение перед красотой и тайной мироздания передается и читателю, который воспаряет вместе с поэтом и Катинькой в небесную высь, наполненную *«сладкою тайной»*. Для рассказчика – это состояние экстаза, возродившее надежду на воскресение души (с. 115, 116).

2.2 Ценностное понятие ВЕРА в языке повествователя «Рассказов сибиряка»

Начнем с того, что лексема ВЕРА (всего 58 вербализованных единиц) и ее формы в вербализованных единицах речи повествователя в прямом ее значении употребляется 10 раз. В значении ‘религия, религиозное учение’ тогда, когда идет описание монгольской веры: *«Начну свои рассказы о нынешней вере монголов; И вот любезный мой Гуюк / Спасится верой вздумал вдруг; сделал его главою новой религии; Если всякое духовное учение, принятое народами, должно называться по имени своего законодателя, то и вера монголов есть шагямунианская, а не далай-ламская»* (с. 96, 97). В данных контекстах понятия РЕЛИГИЯ, ВЕРА, ДУХОВНОЕ УЧЕНИЕ включены в прямые синонимические отношения.

Но в речи повествователя к лексеме **вера** употребляется в виде синонима лексема **надежда**: *«Я думывал о вас и прежде, / Когда в пленительной надежде, / В подлунном мире я искал / Красот высоких идеал; И пробужденные мечтой, / Во мне надежды оживали; В то время они имели еще надежду получить обратно прежнее свое блаженство; а какого тягостного изгнания не украсит надежда?»* (с. 90, 92, 109). Синонимическая связь между этими понятиями выстроена уже по другому принципу. Их объединяет значение: ‘ожидание, чаяние, упование’ [Александрова, 1993, с. 190].

В значении ‘уверенность в чем-нибудь’ лексема **вера** используется в контекстах, употребленных по отношению к небу, человеку, глазам собеседницы: *«Дуги семицветной священно сиянье: / В нем вера в спасенье для грешных слита; Я верю этим небесам; Они уверяют, что этот прекрасный отрок <...> имел все возможные духовные совершенства»* (с. 97, 106, 116).

Синтаксический строй речи включает однокоренные с лексемой **вера** модальные слова: *верно, наверно, вероятно, поверите ли?: (А верно, совесть есть навряд / В ином ханже красноречивом; И, верно, амина того / Никто*

добром и не вспомянет; Так разница была, наверно?; И как?.. поверите ли? – слишком!) (с. 91, 99, 109, 110). Оценочное значение первых трех модальных слов – это выражение слабой уверенности, а цель последнего – привлечение внимания собеседника. И. Б. Голуб утверждает: «Вводные слова и словосочетания, используемые с целью привлечь внимание собеседника, как правило, функционируют в разговорном стиле, их стихия – устная речь. Но писатели, искусно вставляя их в диалоги персонажей, имитируют непринужденную беседу» [Голуб, 2010, с. 403].

В составе словосочетаний существительное *вера* употребляется с другими существительными (*вера чудаков, вера монголов, вера бирманов, отпрыски веры, опорой веры, вера в спасенье*). Среди существительных в косвенных падежах есть те, которые выражают оттенки качественной характеристики предмета (веры). Они выполняют роль определений, т. е. перед нами синонимические конструкции (*вера монголов – монгольская вера*), которые указывают «на отношения между двумя предметами, ... могут носить временный характер» [Голуб, 2010, с. 253].

В сочетании с прилагательными лексема *вера* встречается всего два раза (*вера фоевская, просвещенной веры*). Первое – притяжательное, выполняет свою прямую функцию; второе – можно отнести к эпитетам со значением качества.

Употребление лексемы с глаголом встречаем единожды (*спастись верой*). Глагол употреблен в переносном значении, характеризует поведение человека (монгольского государя Гуюк-хана), свойственен разговорно-просторечному стилю. Образное употребление глаголов в переносном значении «составляет неотъемлемую черту национального колорита русского языка» [Голуб, 2010, с. 293].

Деривационное пространство лексемы *вера* достаточно богато, наполнено образованием от производного глаголов и их форм (*верят, верите, верьте, веровал, уверить, увериться, уверяют, поверить, поверите, вверился,*

доверять); прилагательного (*доверчивым*); наречия (*доверчиво*); существительных (*верность, проверки, суеверия*).

На периферии значений лексемы **вера** находится лексема **праведный** со значением ‘угодный богу, святой, справедливый’ [Александрова, 1993, с. 326]. Угодный богу, значит, *свято верующий* в него. Лексема (**с**) **ревности** (*А то, в лицо вам посмотрев,/ Я будто с ревности тоскую*) (с. 115) так же попадает на периферию значений через свое значение ‘приревновать, *недоверять*, опасаться за кого, по супружеской *верности* его’ [Даль, 2002, с. 516, Т.3]. Лексема **опровергать** к периферийному слою относится через значение ‘оспорить, возражать оспаривая, доказывать противное чему, *неверность* чего’ [Даль, 2002, с. 567, Т. 2]. Скорее всего, на самом дальнем расстоянии от прямого значения лексемы **вера** находится лексема **откровенность**. В синонимическом ряду к слову *откровенность* есть синоним *правдивость* [Александрова, 1993, с. 267], одного корня с *праведным*. Значение неявное, глубоко скрытое, но понимаемое в определенной ситуации ‘*как на духу, как перед богом, со святой верой в бога*’.

На периферию относим также и идиоматические выражения с лексемой **вера**. На наш взгляд, некоторые из них будут авторские: «**Не ручаюсь на верность**», в значении ‘не несу ответственности за правдивость’; *Что же вышло на поверку*, в значении ‘на самом деле, в действительности’ [Антонова, 2014, с. 271]; **Я верю этим небесам**, о глазах возлюбленной, в значении ‘уверен как в небожителе – добром, чистом ангеле’.

Из словаря вербализованных единиц на основании личных, читательских, ассоциаций к лексико-семантическому пространству понятия ВЕРА, кроме описанных нами выше понятий РЕЛИГИЯ, УЧЕНИЕ, НАДЕЖДА можно отнести понятия: ДУША, БОГ, МУДРОСТЬ, ЗНАНИЯ, МЫСЛЬ, СЛОВО, УМ, ЯЗЫК.

Через значение лексемы **вера**: ‘совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь,

духовное братство' [Даль, 2002, с. 194, Т 1] в семантическое пространство попадают понятия БОГ, ДУША, РЕЛИГИЯ, УЧЕНИЕ.

Через значения лексемы *учение*, действительные по значению глагола *учить*: 'наставлять, обучать, научать, преподавать что, передавать знание, умение свое другому'; 'отдельная часть, отрасль науки, образующая нечто целое' [Даль, 2002, с. 333, Т 4] в лексико-семантическое пространство попадает понятие ЗНАНИЕ.

Лексему *знание* понимаем как 'проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека' [СЭС, 1981, с. 471] и вводим понятие МЫШЛЕНИЕ со значением 'мыслить' [Ожегов, 1990, с. 370], то есть 'работой мысли, ума сопоставлять данные опыта и обобщать познанное' [Там же, с. 369-370]. Таким образом, в семантическое пространство попадает понятие УМ.

В одном из значений лексемы *слово* есть смысловой переход к лексеме *бог*: 'Слово, в Евангл. нпр. В начале было Слово и пр. толкуется : Сын Божий; истина, премудрость и сила' [Даль, 2002, с. 91, Т. 4]. Лексема *мудрость* в данном случае синонимична по значению лексеме *ум*. В прямом значении лексема *слово* – 'исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь' [Там же, с. 91, Т. 4]. *Речь* же в одном из своих значений 'разновидность или стиль языка; звучащий язык, разговор, беседа, публичное выступление' [Ожегов, 1990, с. 677].

Рассмотрим, как реализуются данные понятия в языке рассказчика. Синонимы *ум, мудрость, знание* (20 / 3 / 21 вербализованных единиц), взаимообусловленные в своем значении, мы встречаем в контекстах, которые показывают отношение рассказчика к уму: «Мне кажется, что из всех моих знакомых в двух частях света (простите господу знакомые!) только у одной особы что на уме — то и на языке, и эта особа, разумеется, — вы; есть еще один человек (и это разумеется — я), но кто же хвалит самого себя?..; К тому же ветреность моя / С тех пор как будто не бывала: / Я подражаю вам — так

стало, / И во сто раз умнее я; Нравится ли вам моя сметливость и умение пользоваться обстоятельствами!..; ... мое дело совершенно стороннее: я знать не знаю, ведать не ведаю, — меньше сплетней, как говорят мои земляки сибиряки...» (с. 90, 93, 95).

С уважением к чужому уму в пример можно привести такие вербализованные единицы: «...если я скажу слово придумал, то я непременно обману всех прелестных моих читательниц и благоразумных моих читателей; Я столько же знаю по-монгольски, сколько царь Соломон (человек, впрочем, почтенный и умный) знал по-французски» (с. 91).

В других случаях в речи рассказчика звучит осуждение глупости, то есть отсутствия ума: «Они, невежества рабы; В нем, важно место занимая, / Торчит иная голова / И умной кажется сперва, / А ведь какая уж пустая; Тогда умел любой повеса / И нос, и уши обрубить, / Но в мудром таинстве лечить / Не смыслил, верно, ни бельмеса; Что он по сердцу и уму / Все будет хуже год от года» (с. 95, 96, 104, 105).

Несколько раз в контекстах употребляется вводное слово *разумеется* со значением 'большой уверенности' в сказанном: «Отчего все люди, разумеется, выключая только вас одних, делают столько дурачеств?..; Ну, разумеется, после этого он тотчас озаботился соблазнить родных, товарищей, знакомых — и пошла круговая порука» (с. 95, 109).

К группе понятий УМ, МУДРОСТЬ, ЗНАНИЕ появляется антоним НЕВЕЖЕСТВО: «Всегда под палкою судьбы, / Они невежества рабы,...» (с. 95). Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что рассказчик причисляет себя к людям с умом, умеющим видеть и остро высмеять невежество, способным осудить глупость. У читателя же возникает уверенное чувство, что повествователь человек не просто умный и начитанный, а остроумный.

Лексемы *слово* = *речь* = *мысль* (9 / 4 / 14 вербализованных единиц) входят в контексты в возвышенном их понимании: «Слова высокой притчи правы; Весь этот гул пустых речей; И мысль спасения святую / В себе глубоко

заронил; После великой мысли о возобновлении миров; Высокая мысль о жизни в бесконечности искажена у них всегдашним соединением души и материи» (с. 90, 98, 105, 106, 113). Прилагательные *высокая, великий, святая*, употребленные в переносном смысле, придают должную эмоциональную окраску. Возвышенная лексика данных контекстов подчеркивает патетичность речи рассказчика, характеризует его как человека мудрого, мыслящего о данных категориях в жизни на глобальном уровне.

Употребляются данные лексемы и во фразеологизмах: замолвить слово в значении ‘сказать в пользу кого-либо что-либо, ходатайствовать перед кем-либо’ [Антонова, 2014, с. 168]; не говорили ни полслова = *ни слова* [Там же, с. 318]; ни смыслил ни бельмеса в значении ‘не понимать, не знать, не смыслить. Прост. Совершенно, совсем ничего’ [Там же, с. 311]; *мне пришло на мысль = прийти на ум (память)* в значении ‘появляться, возникать в сознании (о воспоминаниях, мыслях)’ [Там же, с. 400]. Данные фразеологизмы относятся к просторечному стилю. Автор использует их для стилизации своей речи, которая «воспринимается как его непринужденная беседа» [Голуб, 2010, с. 120] с адресатом. Итак, через близость значений мы выявили взаимосвязь семантики вышезаявленных понятий с понятием ВЕРА.

В результате приходим к следующему выводу: в языковой картине мира повествователя лексема *вера* (всего 58 вербализованных единиц) употребляется в следующем компонентном составе:

религия, религиозное учение; уверенность в чем-нибудь;
основа духовного существования человека, куда входят понятия Бог, душа, мудрость, знания, мысль, слово ум, язык и др.

Таким образом, в жизни рассказчика ценностное понятие ВЕРА играет важную роль. В тексте произведения показано, что ВЕРА, кроме прямого понимания ее как религиозного учения, представлена повествователем как основа духовного существования человека. Наш герой размышляет над проблемой отсутствия доверия между людьми. Среди его окружения нет человека, которому он бы доверился: *«Все жалки, холодны, как лед, / У всех на место сердца – камень»* (с. 92). Вот и появляется Катинька – существо, вообразенное поэтом, наделенное всеми лучшими качествами. Они позволяют доверять ей: *«Скажите, к ангельским словам / Я быть доверчивым могу ли?.. / О! как прелестно вы взглянули: / Я верю этим небесам!»* (с. 91), искренне рассказать о своих душевных сомнениях и страданиях: *«Я думывал о вас и прежде, / Когда в пленительной надежде, / В подлунном мире я искал / Красот высоких идеал; / От вас он отражен в поэте, / В вас все прекрасное слито,..»* (с. 91). Идеалом ВЕРЫ выступает собеседница рассказчика – Катинька.

2.3 Ценностное понятие ЛЮБОВЬ в языке повествователя «Рассказов сибиряка»

Лексема *любовь* и ее формы встречается на страницах текста 51 раз. Все перечисленные в первой части нашей работы значения данной лексемы реализованы в речи повествователя. Мы позволим себе несколько конкретизировать оттенки этих общих значений, так они придают образу рассказчика индивидуальность в интерпретации им собственной оценки, связанной с понятием ЛЮБОВЬ.

Прежде всего лексема *любовь* реализуется в значении ‘чувство влюблённости, влечение к лицу другого пола’: «... любя вас самой пламенной любовью...; *Потом, беснуясь страстью оба, / Ничтожный мир забыть хотят / И наизусть из книг твердят: / «Любовь и за пределом гроба!..»*; *Все это именно от того, что люди почти никогда не начинают своих дел сначала. От этого-то и выходит вся путаница, все ошибки, все наши несчастья. Возьмите в пример любовь; Мой пыл любви, палящий грудь; Я б вас любовию стяжал» (с. 91, 92, 95, 111).*

В вербализованных единицах «*Я курс любви давно прошел...; Потом, по правилам любви, / Несчастливым предстоит разлука*» (с. 92) реализовано понимание *любви* как некоего свода правил, законов.

В значении ‘космическая сила, подобная силе тяготения’, направляющая душу поэта ввысь, как ‘побудительная сила духовного восхождения’ лексема *любовь* реализуется в отрывке: «*Я загладил все былое / В очистительном огне, / И доступно стало мне / Наслаждение святое: / Рай души воскреснул вновь, / Красотой небес сияя, / И как радуга цветная. / В нем затеплилась любовь!..» (с. 116).*

В значении ‘склонность, расположение, пристрастие к чему-нибудь’ лексема *любовь* через значение глагола *любить* и существительного *любимец* реализована в следующих контекстах: «*Это будет прекрасный сюрприз, а я*

смерть люблю сюрпризы; Когда порассмотрел я ближе / Любимец ветреной мечты – / Узнал, что все их красоты / Далек против ваших ниже» (с. 93, 94).

Деривационное пространство лексемы наполнено образованием от нее существительных: *любимец, любимицу, любителю, любостяжания*, где первые три – со значением лица (на это указывают суффиксы: -ец-; -иц-; -тел- i(y)) «стилистически своеобразны» [Голуб, 2010, с. 224]; прилагательных (*любезный, любимая*), первое из которых по значению суффикса -ен- характеризуется избытком того или надельённостью в большой степени тем, что названо мотивирующим словом.

Лексема **любовь** относится к отвлеченным существительным, и сама образована от глагола **любить**, в данной форме в тексте не встречающемся. Но образования глагольной производящей основы от лексемы **любить** представлены в речи глаголами и их формами (*влюблялся, полюбить, любоваться* – данные глаголы выражают динамику духовной жизни человека); деепричастием *любя*, распространяющим действие другого глагола; причастием *влюблен*, которое представляет признак в его динамике.

На периферии значений лексемы **любовь** определяем синонимичное употребление ее в составе единиц речи, включающих не прямые синонимы, а контекстуальные: (*Вот вам симптомы и припадки / Сердечной глупой лихорадки; Начало страсти очень страстно; Пора тяжелая пришла вам неизвестного влеченья*) (с. 92, 95, 111). Синонимичность значений данных единиц подтверждается статьей словаря, где в качестве близких по значению слов, указаны: «*страсть, влечение, сердечная склонность, (нежное) чувство*» [Александрова, 1993, с. 172.]. Синоним *лихорадка* придает описанию чувства экспрессию. Относится к просторечиям. В словаре в одном из значений трактуется как ‘*возбуждение*’ [Там же, с. 169]. В другом значении ‘*болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом*’ [Ожегов, 1990, с. 328] может восприниматься как болезнь и в этом случае выходить на границы антонимии по отношению к лексеме **любовь**.

Синтаксический строй речи с данной лексемой и ее производными представлен сочетаниями с личными, притяжательными, определительными местоимениями: *вашей любви, своею любовью, вас люблю, не любил так никого, мой был любви, всякому любителю, влюбился в вас*. Роль их не только придать речи «оттенок искренности», но и, благодаря выбранной форме (2-го лица, мн. ч), отразить «интимный» [Голуб, 2010, с. 278] уважительный, почтительный характер отношений к собеседнице.

В сочетании с прилагательными в переносном значении (*пламенной любовью, вечная любовь, святая любовь; светлую любимицу*) лексема приобретает характер сильной эмоциональной оценочности. «Употребление <...> качественных прилагательных в переносном значении усиливает их образную энергию» [Голуб, 2010, с. 244].

Употребление однокоренных глаголов и их форм наблюдаем в составе фразеологических единиц. *«Влюбляемся в один прием»* (с. 95) – предполагаем, что это собственный фразеологизм автора, сходный по смыслу с фразеологизмом *«в одну минуту»* в значении ‘мгновенно, очень быстро’ [Антонова, 2014, с. 45]; *«влюбился в вас без шуток»* (с. 107); где *«Без шуток»* значит ‘совершенно серьезно, вполне’ [Антонова, 2014, с. 15]; *«по уши влюблен»* (с. 94), в значении ‘сверх меры’ [Антонова, 2014, с. 364].

Кроме того, глаголы и причастия, связанные по смыслу с лексемой *любовь* и употребляющиеся с существительными, определяют отношение к предмету речи (*люблю сюрпризы, не любил шутить, влюблялся без шуток, влюбленный в маленькую Пери, любил прогулки*) и дают представление о пристрастиях героев произведения, их качествах характера, их состоянии в определенной ситуации.

Понятие ЛЮБОВЬ включает в свою смысловую сферу понятия БОГ, ДУША, ВЕРА, СЕРДЦЕ, СТРАСТЬ, СЧАСТЬЕ, КРАСОТА, ИДЕАЛ, МЕЧТА. Проанализируем их семантическую близость, включенность в речь рассказчика.

Из прямых значений лексемы *любовь*, о которых мы говорили выше, в семантическое пространство включены понятия СЕРДЦЕ, СТРАСТЬ, ВЕРА, ДУША, БОГ. (22 / 13 / 58 / 43 / 34 вербализованных единиц) Нам лишь стоит подкрепить их семантическое родство высказываниями известных людей.

ЛЮБОВЬ «в понятиях Святой Руси главная добродетель православного человека, ибо христианство – религия любви» [Платонов, 2000, с. 100]. Всем нам известно выражение: *Бог есть любовь*. В этом же издании читаем высказывания о любви В. С. Соловьева: «Дело истинной любви, прежде всего, основывается на вере» и слова С. В. Троицкого: «Православие признает только любовь, готовую на неограниченные жертвы, только любовь, готовую положить душу за брата, за друга <...> ибо только через такую любовь человек возвышается до таинственной вышечной жизни Св. Троицы и Церкви» [Там же]. Думаю, данные высказывания помогают нам убедиться лишний раз в схождении смыслов лексем *любовь* = *Бог* = *душа* = *вера*.

Любовь базируется на устремленности к идеалу. Такой идеал ищет наш рассказчик. В контекстах, обращенных к Катиньке – это, очевидно, идеал женщины: «*В подлунном мире я искал красот высоких идеал; Сыскать для сердца идеал*» (с. 91, 92). Лексема *идеал* встречается в его речи всего 3 раза. В последнем примере в ироничном отношении: «*Ты б закусил да задремал, - / Куда тебе! – уж над тобою, / Блестя одеждою цветною, / Парит волшебный идеал...*» (с. 95).

В речи рассказчика по отношению к собеседнице лексема *идеал* синонимична лексемам *мечта* и *красота* (19 / 30 вербализованных единиц): «*Но вы на сердце залегли / мечтой прекрасною поэту; Потому что все красоты, о которых я сказал теперь, и которые принадлежат мне только как создание моей мечты, составляют вашу прекрасную, заманчивую собственность...; Взгляните мне в душу душою своей!.. / Там все, что нам красит земное изгнанье: / Поэзии пламень, / Святая любовь, / И гений надежды, и гений мечтанья / С пленительной вязью нетленных цветов*» (с. 93).

Определим компонентный состав понятия ЛЮБОВЬ:

чувство влюблённости, влечение к лицу другого пола;
понимание любви как некоего свода правил, законов;
космическая сила, подобная силе тяготения;
побудительная сила духовного восхождения;
склонность, расположение, пристрастие к чему-нибудь.

Любовь для рассказчика, который является к тому же поэтом, не просто чувство привязанности к кому-либо или к чему-то. Это понятие для него – основа существования, главная движущая сила жизни, его вдохновения. Это то, самое важное, без чего не существует на земле человек.

В диссертации Е. В. Лобковой есть должное подтверждение нашей мысли: «чем существеннее, важнее то или иное чувство для самосознания и самого существования личности, тем разнообразнее и богаче языковые средства репрезентации этого чувства. Любовь в этом смысле не знает себе равных, особенно любовь мужчины и женщины, огромная жизнесозидающая роль которой – один из главных мотивов всех видов художественного творчества» [Лобкова, 2005].

Движимый живым чувством любви ко всему прекрасному, он посредством любви обожествляет женщину, в которой нашёл сострадание. А сострадание – это первый шаг к любви. Любовь для нашего поэта больше, чем его душа. Об этом свидетельствуют слова эпитафии: «*Я ль виноват, что тебя, черноокою, / Больше, чем душу, люблю?*» (с. 90). Любовь побуждает его к откровенности. Любовь – это его совесть. Он умеет отличить ложное чувство любви от настоящего, всепоглащающего. Ему знакомо это чувство в земном его варианте. Как обычный человек, он изучил все правила любви, но разочаровался в ней. Для него, воспринимающего жизнь как божий дар, стало ясно, что «высокий подвиг здешней жизни» нельзя продать за «чувственность». В высокой любви, проникнутой состраданием, он видит спасение от грехов своих и всего человечества. Любовь – святое чувство, «Пища дивная», которая питает и избавляет человека от «накипи зла» (с. 99, 116).

2.4 Ценностное понятие ДУША в языке повествователя «Рассказов сибиряка»

Лексема *душа* (всего 43 вербализованные единицы) в речи рассказчика представлена в прямом значении как ‘нематериальное начало в человеке, продолжающее свое существование и после его смерти’: *«Шагямунианцы признают, что душа бессмертна, но как они признают это?.. Не по убеждению просвещенной веры, как мы, а по внушению невежественного суеверия, как многие. Высокая мысль о жизни в бесконечности искажена у них всегдашним соединением души и материи»* (с. 113), – говорит рассказчик. Этим высказыванием высмеивается невежественное представления буддистов, отрицающих бессмертие души. А сам рассказчик является человеком твердо «по убеждению христианской веры» исповедующим то, что душа бессмертна.

Во втором значении ‘о человеке, как носителе определённых душевных качеств, свойств’ данная лексема употребляется боле всего. Душа рассказчика в этом плане может быть «разложена» на составляющие:

душа, наполненная любовью к женщине («Я ль виноват, что тебя, черноокою, / Больше, чем душу, люблю?; Я вам сказал, что я вас так люблю, как никого еще не любил... После этого выходит, мне нужно вывести себя на чистую воду; тогда, увидя мою откровенность, вы, может быть, поверите, что душа моя совершенно наполнена вами и что в ней не только чьи-нибудь образы, но даже и самые идеи о тех образах не могут существовать с тех пор, как я так счастливо нашел вас на жизненном пути») (с. 90, 91);

душа как вместилище страданий («Мне жизнь — печаль, мне свет — пустыня! / С кем поделюсь я душой?» —; Посмотрите мне в душу... Она открыта перед вами: / Как в ней торжественно светло! / Но безнадежности мечтами / Сей дивный свет заволкло... ; И, бывало, в душу смутную / Я боялся заглянуть; Но зачем души тоскою / Помрачат вам радость дней; и др.) (с 92, 108, 109, 116);

душа как источник наслаждений и потребностей («Мне должно сказать вам, что только одни высокие, душевные наслаждения могут быть бесконечны, как сама душа; Теперь душа иного просит; И мне как-то в душу запало мечтанье / Что радуга – в небо для добрых врата!..) (с. 99, 116);

душа как сосуд, наполняемый из родника добродетели («Еще не было слов: порок, слабость, зло; добродетель царствовала повсюду: она была неисчерпаемым родником, из которого изливались тихие, чистые, продолжительные удовольствия души...) (с. 109);

душа как проводник к восторгам Рая («Там за дверями гробовыми / невыразимой красоты / Восторгов волны разлиты / И дух наш просияет ими) (с. 99).

Деривационное поле лексемы *душа* представлено образованием от нее прилагательных: *духовных, душевные, душеспасительный* в значении ‘к душе относящийся, ей свойственный’) [Даль, 2002, с. 460, Т. 1].

Синтаксический строй речи с данной лексемой и ее производными представлен словосочетаниями существительного *душа* в различных его формах с другими существительными (*душа в глазах, соединением души, в переселение душ, формуляр души, душ отрада, души тоскою, рай души, удовольствия души*). Отглагольные существительные: *соединением* и *переселение* помогают приобрести подвижность предмету (душе). «Если писатель хочет отобразить картины, в которых предметы перестают быть неподвижными, «вдохнуть жизнь» в повествование, он обращается к глаголам» [Голуб, 2010, с. 291]. Отвлеченные существительные: *удовольствия, отрада, рай, тоской* употреблены в качестве экспрессивных средств, в результате метафорического переосмысления. И. Б Голуб пишет, что русские писатели XIX века «всегда придавали важное значение освоению отвлеченной лексики в художественной речи. Отвлеченные существительные вовлекались в систему экспрессивных средств поэтами – для отражения духовного мира лирического героя, обозначения возвышенных, нравственных и эстетических категорий» [Там же, с. 216]. Два оставшихся конкретных существительных: *в*

глазах и формуляр также предметно-образны, создают зримую картину, употреблены для реализации метафорического смысла.

Употребленное с прилагательными и причастиями : *душа бессмертна, неистоцимого духа, в душу смутную, изнемогшая душа, дух восторженный, души обновленной* существительное *душа* приобретает элемент изобразительности за счет «экспрессивной яркости метафорического переосмысления качественных прилагательных (качественные прилагательные подчеркнуты в примерах)» [Голуб, 2010, с. 244] и «изобразительной функции <...> причастий <...> в роли определений» [Там же, с. 322].

Употребление существительного *душа* с глаголами совершенного вида изъявительного и повелительного наклонения: *поделюся душой, дух просияет, дух нашел, сберег в душе, запало в душу, взгляните в душу* – привносит в повествование «поступательность движения от одного факта к другому в цепи событий» [Там же, с. 303].

Часто существительное *душа* употребляется с местоимениями: *моя душа* – 4 раза, *сама душа, душою своей*. Притяжательные местоимения приводят «к субъективизации авторского повествования» [Там же, с. 276]. Воспользуемся еще одним наблюдением И. Б. Голуб, которая утверждает, что «пристрастие поэтов к личным и притяжательным местоимениям отражает их склонность к самоанализу, углубленность в мир переживаний (не случайно и критики, анализируя поэзию, оперируют понятием «лирическое я»); лирическая окраска речи во многом зависит от частотности этих местоимений» [Там же, с. 278]. Местоимение *самый* носит разговорный характер.

На периферию лексико-семантического пространства понятия ДУША выходят фразеологизированные единицы речи, две из которых образованы, по нашему мнению, самим рассказчиком. «*Формуляр души*» (с. 114), в переносном значении ‘лист, книга, куда вносятся сведения о состоянии чего-н.’ [Ожегов, 1990, с. 854]; «*рай души*» (с. 116) в переносном значении ‘легкие и

радующие условия' [Ожегов, 1990, с. 654]; «*жалко от души*» (с. 103) в значении 'от чистого сердца' [Антонова, 2014, с. 338].

По Далю ДУША – 'душевные и духовные качества человека, *совесть*, внутреннее чувство'. Через это значение в лексико-семантическое пространство лексемы *душа* попадают понятия СОВЕСТЬ = СТЫД = СТЕСНЕНИЕ. Вербализованных единиц с этими понятиями в тексте произведения 12. Приведем несколько примеров: «... у меня *точно удивительно как много совести*; *Сильно страдало его сердце от убийственных угрызений совести*; *Тогда я вовсе не застенчив и так разговорчив, как нельзя более...*; *Вот он поел немножко – Глядь? / Ему чего-то стыдно стало* (с. 91, 95 99, 110).

Лексема *душа* включает в свою смысловую сферу и такое понятие, как СЕРДЦЕ, через значения 'душевный, внутренний мир, сердце' [Антонова, 2014, с. 99]; 'орган как символ души, переживаний, чувств, настроений' [Ожегов, 1990, с. 711]. Это подтверждается смыслом вербализованных единиц в тексте (всего их 22) с лексемой *сердце*: «*Послушайте лучше о моих сердечных тайнах*; *Но вы на сердце залегли / Мечтой прекрасною Поэта*; *Когда мы ангела найдем / Услышим сердца звук ответный* (с. 92, 93, 95).

Через значение лексемы *сердечный*, т. е. 'задушевный, искренний, добрый' [Ожегов, 1990, с. 711] в данное семантическое пространство включаются понятия ДОБРО, ИСКРЕННОСТЬ (ПРАВДИВОСТЬ, ИСТИННОСТЬ). Приведем примеры вербализации данных понятий: «*Однако ж во всяком худе есть добро*; *Как вы добры!* *Как вы милы!*; *Он, верно, был в добре глупец*, / *А в злости превосходный гений и др.* – (всего 15 вербализованных единиц) (с. 95, 106, 113); «*Однако ж, к несчастью, я говорю правду*; *Истина ясна, как день*; и др.» – (всего 9 вербализованных единиц) (с. 106, 108).

Вернемся к значению лексемы *сердце* как 'орган чувств и настроений'. Через значение лексемы *чувство* 'эмоция, переживание. Ч. радости. Ч. огорчения; осознанное отношение к чему-н. Ч. юмора; то же, что любовь <...>

Первое ч. Большое ч. Нежное ч. [Ожегов, 1990, с. 885] в лексико-семантическое пространство попадают понятия: РАДОСТЬ = ВЕСЕЛЬЕ; СМЕХ = ШУТКА = ЗАБАВА = ВЕСЕЛОСТЬ = ПРОКАЗЫ = УЛЫБКА = УМОРА = ПРИБАУТКА; СТРАДАНИЕ; СКУКА = ГРУСТЬ = ПЕЧАЛЬ; ЛЮБОВЬ. Приведем примеры и количественный состав вербализации указанных единиц речи: «Он чужд веселостей чужих; Тогда б я не бродил в Сибири, / В тайгах и по степям пустым, / Где радости легки, как дым, / И тяжелы часы, как гири – всего 10 вербализованных единиц (с. 92, 93); *Всему есть время: для труда, / Для слез, для смеха, для забавы, – / И вот вам шалость, Господа!*; Положим, что вы совсем не Катенька и что будто бы я только придумал это имя для шутки, затем, чтобы вас не узнали...; Он чужд веселостей чужих; Ах! Скольких бы тогда, мой Боже! / Не напроказил я проказ; И, право, только для проказ, / Влюблялся я двенадцать раз; Я все пишу для ангельской улыбки; А жизнь? – умора да и только!; Хоть я смеюся и шучу, / Но сквозь мишурность прибауток / Серьезно я сказать хочу, / Что я влюбился в вас без шуток – всего 28 вербализованных единиц (с. 90, 92, 93, 95, 104, 107); И вот, страдалец на земли, / Я вас отыскивал по свету (с. 92) – всего 5 вербализованных единиц.; *Еще от скуки слушать можно, / А в рот уж пальца не клади... ; Я был недвижим, я грустил... ; Я услышал отклик нежный - / И печали безнадежной / Не прийти ко мне назад... – всего 10 вербализованных единиц (с. 90, 107, 116); Мой пыл любви, палящий грудь, / У вас ответом сердца взвешен (с. 111).*

Сердце в значении ‘злоба’ [Александрова, 1993, с. 397] включает в семантическое пространство понятие ЗЛО. «*Все упадать душою стали / В сердцах зашевелилось зло; И обновленную душой порок и зло возненавидел; Так терзали страсти злобные обожателя мечты и др. – всего 12 вербализованных единиц (с. 100, 111, 115).*

В словаре В. В. Колесова «ЗЛО – важное отсутствие необходимого блага и низшая степень добра. З. противопоставлено добру как тьма – свету, черное – белому, левое – правому, влажное – сухому, как действие – состоянию или

качеству (благо). З. вводит человека в грех, приводит к беде, ввергает в горе и отчаяние, т. к. отнимает надежду и лишает счастья» [Колесов, 2014, с. 310].

Итак, компонентный состав лексемы *душа* в языковой картине мира автора-повествователя представлен следующими значениями:

нематериальное начало в человеке, продолжающее свое существование и после его смерти;

о человеке, как носителе определённых душевных качеств, свойств;

душа как вместилище: (душа, наполненная любовью к женщине, душа как вместилище страданий, душа как источник наслаждений и потребностей, душа, как сосуд, наполняемый из родника добродетели, как проводник к восторгам Рая).

Понятие ДУША в языковой картине мира рассказчика вбирает в себя все компонентные значения культурологического характера, свойственные менталитету русского человека. Метафорически переосмысленное понятие ДУША – это «лирическое Я» поэта, его суть.

Отношение рассказчика к данному понятию передано через отношение к его собеседнице Катиньке. Поэт утверждает: «... душа моя совершенно наполнена вами и <...> в ней не только чьи-нибудь образы, но даже и сами идеи о тех образах не могут существовать с тех пор, как я так счастливо нашел вас на жизненном пути» (с. 91).

Сделаем общие выводы: на основе лексико-семантического анализа ключевых слов, составляющих как околоядерную, так и периферийную семантическую зону заявленных ценностных понятий в речи персонажа, выстроено описание лексико-семантического пространства ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

На отдельных примерах нам удалось доказать взаимообусловленность понятий БОГ, ВЕРА, ДУША, ЛЮБОВЬ и выявить, что иерархичные отношения между данными понятиями отсутствуют.

Итогом нашего исследования мы предполагаем описание лексико-семантического поля, которое может быть составлено для понятия ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ (далее ЯЛ) – РАССКАЗЧИК на основе его отношений к заявленным в теме исследования ценностям.

По словам А. К. Башариной, «впервые термин «семантическое поле» был введен Г. Ипсеном в 1924 году <...> При этом экстралингвистический подход, основоположником которого считается немецкий ученый Й. Трир, был разработан раньше лингвистического» [Башарина, 2007, с. 93 – 95].

Мы покажем, на каком схождении смыслов эти понятия составляют одно целое. В данном случае нам нужно оправдать заявленную гипотезу о том, что в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского есть лицо, объединяющее эти понятия для рассказчика в одно целое. Более того, объединяющее его с ним самим.

В ходе работы над текстом произведения, мы обратили внимание на имя собеседницы нашего героя. Ее зовут Катинька. Почему рассказчиком (а мы думаем, следует понимать автором) из всех существующих женских имен выбрано именно это? Проблемный вопрос заставил нас обратиться к значению имени героини.

Имя Екатерина в переводе с греческого языка означает "чистая, непорочная". Оно происходит от греческого слова "катариос", образованного от "katharsis" (катарсис), что в переводе означает: 'очищение', «термин

«Поэтики» Аристотеля, очищение духа при помощи «страха и сострадания» как цель трагедии» [СЭС, 1981, с. 564].

Еще одна версия причины, по которой автором могло быть выбрано имя героини, заключается в том, что 7 декабря вспоминают Святую великомученицу княжну Екатерину, жившую в четвертом веке нашей эры. Она приняла крещение после того, как увидела во сне Богородицу с маленьким Иисусом. Она не побоялась в лицо обличить язычника-царя за то, что он преследовал и мучил христиан, и затем была по его приказу обезглавлена.

Мы не можем утверждать наверняка, знал ли В. И. Соколовский о происхождении имен, читал ли Аристотеля, но исключать данного предположения нельзя в силу того, что автор «Рассказов сибиряка» был человеком в высокой степени образованным. Поэтому мы вправе предположить, что для реализации замысла своего произведения, который заключается в исповедании героя «Рассказов...», желании высказать за иронично-шутливым тоном то, что беспокоит и волнует его душу, автором именно по этой причине мог быть сделан такой выбор имени.

В языковом воплощении понятие – образ КАТИНЬКА пронизывает весь дискурс рассказчика и вызывает следующие ассоциации:

второе действующее лицо в произведении, героиня, собеседница рассказчика;

прототип возлюбленной героя произведения;

Святая Екатерина;

чистая непорочная Дева-красота, подобная Деве-Марии;

Ангел-хранитель, добрый ангел – дух, являющийся посредником между героем и Богом;

Существо, значащее что-то большее, чем душа рассказчика.

На основе данных ассоциаций опишем языковое воплощение понятия-образа КАТИНЬКА (более 100 вербализованных единиц) в речи рассказчика).

В самом начале «Рассказов...» есть посвящение «Прелестной брюнетке», где повествователь признается: *«Я стал другой, увидя вас, – / И вот вам первый мой рассказ / Но не сибирский, а сердечный»* (с. 90). Далее как будто невзначай появляется имя: *«Честь имею рекомендоваться вам, прелестная... Вот хорошо!.. чуть было не сказал: прелестная Катинька...»* [Там же]. Рассказчик ясно обозначает причину предстоящего разговора именно с Катинькой на основании сходной черты в их характерах: *«Мне кажется, что <...> только у одной особы что на уме – то и на языке, и эта особа, разумеется, – вы; есть еще один человек (и это, разумеется, я) <...>»* (с. 90). Данные контексты соотносятся по смыслу с образом Святой Екатерины, не боявшейся быть правдивой и пострадавшей за такую смелость.

Кроме искренности и простоты, которую поэт ставит в заслугу героине, он наделяет ее самыми лучшими качествами: *«В вас все прекрасное слито»* (с. 91). Читатель начинает воспринимать понятие-образ КАТИНЬКА, как вполне реальную возлюбленную рассказчика. И он, как будто подтверждая наше предположение, награждает героиню самыми достойными эпитетами: *«прелестная»* (лексема встречается 22 раза) Катинька; *«красот высоких идеал», «мечта прекрасная», «прекрасный призрак», «миленькая Пери», «милый ангел мой», «амин в земной прелестной оболочке», «звезда моя», «Дева-дева-красота», «дева-радость», «прелестная дева», «ангел искупленья», «прелестная моя спасительница»* (с. 91, 93, 95, 106, 108, 109, 114, 115, 116, 117).

У героини вполне зримый образ, несмотря на то, что она воображаемый собеседник. Рассказчик, воспевая ее духовные качества, описывает подробно ее внешний вид, ее действия, состояние: *«розовые уста, так очаровательно обрисованные», «о как прелестно вы взглянули»; «И нет у них, так, как у вас / Неизъяснимого чего-то / Чем любоваться всякий раз / Так и берет меня охота»; «вы со мной не говорите ни полслова»; «Таких, как вы ей! ей! одна»; «Вам страшно, Катинька?»; «у вас голубые глаза»; «Как*

вы в приемах хороши!»; «Да опустите вы немного / Своих ресниц блестящих пух»; «на ваш румянец засмотрюсь» (с. 90, 91, 93, 101, 103, 106, 108). Все эти живые характеристики вводят нас в заблуждение по поводу того, кто же такая эта Катинька до тех пор, пока в последней части «Рассказов...» мы не увидим тот самый момент катарсиса, который происходит в слившихся состояниях душ рассказчика и Катиньки: «Любуйтесь на этот торжественный вид! / Туда, на средину, взовьемся мечтою: / Взгляните: где ж море? — исчезло оно! / И бездна, и небо — все слилось в одно, / И веет отсюда отрадой святою!.. / Одни мы в пространстве... в безбрежной дали / Отторглись мы с вами от скучной земли! / Взгляните ж высоко, на яхонт эфира: / Вы видите ль чудо?.. любуйтесь им! / То знаменье блещет небесного мира, / То неба улыбка на радость земным!..» (с. 116).

Катинька, в воображении поэта вдруг как «ангел искупленья» слетает «как с небес», произносит «сладкие слова», в которых «волшебного так много», что «в таинственной дали / Долежат они до Бога!» (с. 115, 116).

Чистота, непорочность, добродетель, красота души, приписанная рассказчиком Катиньке, соотносят ее образ с образом Святой Девы, который отражен в смысле ее имени. Катинька-героиня – недостижимая мечта поэта, которую он себе вообразил. В переносном смысле – это, на наш взгляд, образ Души, Бога, Веры, Любви самого рассказчика, образ той благословенной божественной гармонии, которой он не видит в земной юдоли.

Заключение

Итак, для того чтобы раскрыть тему исследования: «Ценностные понятия в языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского», мы использовали лингвокогнитивный подход. Суть его заключается в том, что он дает возможность проанализировать не только собственно-лингвистические, но и когнитивные аспекты коммуникации. Для анализа коммуникации возникает два плана: 1) анализ общелингвистического аспекта; 2) анализ национального дискурса.

Так как в науке нет точного определения дискурса, то уточним, что скрывается за данным понятием в нашем случае. А. Г. Горбунов в своем учебном пособии «Дискурс как новая лингвофилософская парадигма» указывает, что по определению В. В. Савельевой дискурс принято рассматривать «как особую лингвистическую и социокультурную данность, которая позволяет реконструировать ментальность «художественного мира» того или иного автора, с которой взаимодействует ментальность адресата» [Горбунов, 2013, с. 13, 14].

В своем исследовании мы опирались на работы ученых-лингвистов (Н. С. Болотновой, Ю. Н. Караулова, И. Б. Голуб, Л. В. Базаровой, О. К. Кальковой, Т. В. Талаповой, Г. Г. Хисамовой, Н. А. Бурмакиной, А. А. Смирновой, И. В. Башковой и др.).

Методом полевого анализа мы описали лексико-семантическое пространство каждого из заявленных в теме ценностных понятий и представили языковую картину мира рассказчика через анализ его дискурса.

На основе определения компонентного состава понятий по словарям разного времени, мы пришли к выводу, что вышеперечисленные понятия представляют в русской картине мира универсальные ценности и что они семантически взаимообусловлены.

Следующим этапом работы являлся анализ данных понятий в языковой картине мира повествователя в «Рассказах сибиряка» В. И. Соколовского на

основе их реализации в речи рассказчика. На данном этапе мы проанализировали ограниченный пласт лексики, взятой методом отбора ключевых слов.

В работе Л. Н. Чуриловой «Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста» говорится: «Выявление набора ключевых слов является важным этапом описания индивидуального лексикона персонажа». Автором статьи указывается два подхода к определению ключевого слова: «1) ключевое слово как единица текстового фрагмента, репрезентирующего высказывание персонажа, и 2) ключевое слово как единица индивидуального лексикона». Нам важен один из выводов данной работы, что «между двумя подходами к определению ключевого слова в случае, когда объектом анализа является, с одной стороны, художественный текст и, с другой, — индивидуальный лексикон персонажа как лексическая составляющая этого текста, нет жестких границ» [Чурилова, 2003, с. 67, 68].

Одним из главных принципов метода ключевых слов является принцип частотности, на основании которого нами и были выделены основные доминанты в речи персонажа: БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША.

Определяя семантическую наполненность выбранных лексических единиц, мы описали их деривационное пространство, синонимические и антонимические отношения, употребление их во фразеологических оборотах речи, грамматические связи в словосочетаниях и предложениях. На основе читательских ассоциаций соотнесли их с группами ключевых слов тематического характера, описали связи значений. Сделали выводы и описали роль каждого из данных ценностных понятий в языковой картине мира рассказчика.

На заключительном этапе работы объяснили причины выдвинутой нами гипотезы о том, что для всех понятий, в том числе и для понятия Я Л – РАССКАЗЧИК в тексте произведения есть объединяющий картину мира образ героини, собеседницы повествователя по имени Катинька.

В итоге, мы выявили стилистические особенности речи рассказчика: художественный стиль, реализованный в диалогической и монологической форме в стихотворной и прозаической речи.

Речь рассказчика отличается большим набором синонимических и антонимических средств: «*Мне жизнь – печаль, / Мне свет – пустыня; Хоть стыд сказать, а грех таить! ; Тогда я вовсе не застенчив и так разговорчив, как нельзя более; Вы здесь, как дома у себя, / А я так не в своей тарелке; Я был тогда ни мертв, ни жив; Моя пьеса: что она / Не коротка и не длинна» (с. 91, 92, 95, 103, 106, 118); умением пользоваться такими изобразительными средствами речи, как **эпитеты**: «*Слова высокой притчи правы! ; Ничтожный мир забыть хотят; Парит волшебный идеал; Высокий подвиг здешной жизни; и др.» (с. 90, 92, 95, 99), **сравнения**: «*Тогда мужья, как в наши дни, прекрасным женам уступали; ... только одни высокие душевные наслаждения могут быть бесконечны, как сама душа, И во мне порок исчез / Будто злое привиденье; Как туманы, разнеслись / В сердце чувственности смуты*» (с. 97, 99, 116), **метафоры**: «*Еще не все ты знал страданья / В тернистом поле испытанья; Тот сам на грудь свою поднял / Кинжал позорной укоризны*» (с. 99, 100), **олицетворения**: «*И старость, с тяжелой ношей лет, / Печальная, полуживая, / Есть третья беда мирская; Отдыхала и светлела / Изнемогая душа; И в страстях душа моя, / Сиротствуя, погибала*» (с. 100, 116).**

Синтаксический строй речи изобилует наличием вводных слов и предложений, указывающих на повышенно-эмоциональную оценку говорящего к предмету речи. Повышенная эмоциональность и страстность дискурса подтверждена и интонационной стороной речи. В ней множество восклицательных и вопросительных предложений: «*Ведь как прикинется безбожно!* ; *Какой он вздор в стихах турусит!* ; *Ах!* *Сколько бы тогда, мой Боже!* / *Не напроказил я проказ!* ; *Я вслед иду. Как все в ней мило!* / *Что за головка!.. Что за стан!.. / Так я нашел? – Не тут-то было!*» (с. 90, 92).

Наличие в речи повествователя большого количества фразеологизмов: *Мы с этим кладом все в накладе; Одно им дело: делать глазки; Куда ни сунься – тут как тут!; Но мне вас жалко от души» (с. 90, 95, 103), пословиц и поговорок: «*Хоть стыд сказать, а грех таить! ; А в рот уж пальца не клади; А ведь повинной головы / И даже меч не отсекает; (с. 90, 92, 106) говорит об образности и выразительности речи, но не только. Употребление в ней большого пласта народно-поэтической лексики: «... *тебя, черноокою; предобрый малой; напроказил я проказ; язык без кости; не будете бранить меня; Что ж вы покраснели?.. полноме! Взгляните-ка на меня; любой повеса и др.» (с. 90, 92, 93, 95) указывает на приверженность рассказчика к национальным языковым традициям и много говорит об особенностях его характера как именно русского человека.***

На когнитивном уровне нашей задачей являлось рассмотреть роль нравственно-ценностных понятий БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ДУША в языковой картине мира рассказчика.

Здесь хочется обратить внимание на заглавие произведения: «Рассказы сибиряка». В данном названии наше внимание привлекает самоидентификационное определение рассказчика, называющего себя сибиряком. Причины данного определения, конечно, следует рассматривать в отдельных рамках филологии. Но, с точки зрения качественных характеристик рассказчика, можно сделать вывод о том, что он отличает сибиряка от других русских людей. Как всякому русскому человеку, ему присущи богобоязненность, широта души, доверчивость к людям, любовь к миру, его истории. А как сибиряку – правдивость, искренность, ироничность по отношению к себе и окружающей его действительности. Кроме этого, сила воли, оптимизм, любовь к жизни также приписаны сибиряку, то есть все характеристики героя, как личности, отнесшей себя к сибирякам, говорят нам о важности такой самоидентификации.

Коммуникативный уровень личности рассказчика выявил перед нами человека, картина мира которого базируется на основных постулатах

национальной русской культуры, главные ценности которой: вера в бога, в человека, любовь и сострадание к ближнему, духовное совершенство. В плане индивидуально-личностной характеристики рассказчика было выявлено, что все данные ценности соотносятся в его картине с образом героини, выступающей в роли «гармонической мечты» о всеобщем благоденствии и счастье.

Перспективы нашей работы мы видим в исследовании функциональной формы речи рассказчика, так как монологическая и диалогическая формы речи представлены в произведении в равной степени. Причем, диалогическая форма речи интересна тем, что при наличии двух собеседников в диалоге одно лицо выдумано писателем. По сути, рассказчик ведет разговор не с реальным лицом, а с самим собой.

Интерес представляет и исследование по выявлению прецедентных текстов в дискурсе рассказчика, так речь его изобилует пословицами, поговорками, цитатами (например, из комедии А. И. Грибоедова «Горе от ума») и другими заимствованиями.

Отдельную тему можно посвятить исследованию фразеологизмов в речи рассказчика. Основанием к этому может послужить фразеологическое новаторство автора произведения, частично отмеченное в нашей работе.

Интерес будет представлять и тема по интонационному оформлению речи, так как общий ее характер высоко эмоциональный.

Список литературы

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. – 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1993. – 495 с.
2. Антонова Л. В. Новейший школьный фразеологический словарь. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2014. – 640 с.
3. Ашева А. А. Теория языковой личности в русистике: проблемы и перспективы. / А. А. Ашева [Текст]: Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение . 2012. №4 (107). С. 98 – 103.
4. Базарова Л. В. Концепт "Бог" во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков. [Текст]: автореф. дис. кандидат. филол. н. : спец. 10.02.20 / Базарова Л. В. ; [Место защиты: ВГАОУ ВПО "Казанский (Приволжский) федеральный университет"]. – Казань, 2011.- 23 с.: ил.
5. Башарина А. К. Понятие «семантическое поле». [Текст]: науч. ст. : 10. 02. 00. Вестник Северо-Восточного Федерального Университета. Серия «Языкознание» № 1. Т. 4. – 2007. – Якутск. : Изд-во ЯГУ. – 131 с.
6. Башкова И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира. [Текст]: Вестник ТГПУ. 2015, № 4. С. 112 – 116.
7. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора. [Текст]: Вестник ТГПУ. 2004, № 1 (38) / Серия: Гуманит. Науки (Филология). С. 20 – 24.
8. Бурмакина Н.А. Б 912 Языковая личность первого губернатора Енисейской губернии. Лингвокогнитивные и прагматические проблемы лингвоперсонологии: монография [Электронный ресурс] / – Электрон.дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100

Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; AdobeAcrobatReader. – Загл. с экрана.

9. Гейченко С. С. Под вашу сень, Михайловские рощи... / Стихи, написанные А. С. Пушкиным в Михайловском. – Ленинград: «Детская литература», 1987. – 143 с.

10. Герасимович, О. В. Восточнославянская семантическая аксиология (*вера, надежда, любовь*) / О. В. Герасимович. – Минск : Беларус. навука, 2013. 245 с.

11. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с. – (Высшее образование).

12. Горбунов А. Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма [Текст]: учебное пособие / сост. А.Г. Горбунов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 56 с.

13. Горшков А. И. Русская словесность: От слова к словесности: Учебн. Пособие для учащихся 10-11 кл. шк., гимназий и лицеев гуманитар. Направленности. – М.: Просвещение. 1995. – 336 с.

14. Грицанов А. А. Новейший философский словарь [Текст] / Сост. А.А. Грицанов. — Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. - 896 с.

15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4тт. Т1: А – З. – 640 с. – Т. 2: И – О. – 672 с. – Т. 3. – 576 с. – Т. 4. – 576 с. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

16. Енисейский Альманах на 1828 год / Сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Государственное учреждение культуры Красноярский краевой краеведческий музей. — 2-е изд., доп. — Красноярск: Поликор, 2008. — 112 с.

17. Калькова О.К. Концепт *Бог* в русской языковой картине мира. [Текст]: Вестник ЦМО МГУ, 2009, № 1. / Лингвокультурология. С. 89 – 92.

18. Караулов Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

19. Киселев-Сергенин В. С. Владимир Игнатьевич Соколовский. / В. С. Киселев-Сергенин // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с. – С. 264 – 266.

20. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014. – 1184 с. Режим доступа: <http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/slovar.pdf> (Дата обращения 10. 11. 2015)

21. Кондратьева О. Н. Душа. Сердце. Ум. / О. Н. Кондратьева // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с. – С. 80 – 92.

22. Коршунов М. С. «Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ...» (неизвестные документы о ставропольской ссылке поэта В. И. Соколовского) / М. С. Коршунов // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с. – С. 272 – 275.

23. Кравцова Т. Ю. Владимир Игнатьевич Соколовский (к 190-летию со дня рождения) / Т. Ю. Кравцова // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с. – С. 267 – 271.

24. Кравченко В. Н. «Надеждам ты не измени». / В. Н. Кравченко // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с. – С. 276 – 281.

25. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике. [Текст]: Вестник Сибирского государственного

аэрокосмического университета им. Академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 4. / Серия: Языкознание. С. 173 – 177.

26. Лобкова, Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира. [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10. 02. 01 / Лобкова Е. В. , [Омск. Гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, каф.рус. языка]. – Омск, 2005. – 288 с. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat URL: <http://www.dissercat.com/content/> (дата обращения: 3.11.2015).

27. Лучкина Н. В. Загадочность концепта «любовь» и своеобразие русского любовного дискурса / Н. В. Лучкина // Язык как система и деятельность – 4. [Текст]: Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Людмилы Алексеевны Введенской – известного отечественного лингвиста, лексикографа, лексиколога, заслуженного профессора Южного федерального университета (РГУ), 3-6 октября 2013 г. , Ростов-на-Дону / [редкол. : Кашева Е. Ю., доц. (отв. ред.) и др.]. – Ростов-на-Дону: Изд-во Foundation, 2013. – 330 с. – с. 134-138.

28. Муллагаянова Гульфия Сейтшарифовна ПОЛЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ // Вестник Чел ГУ . 2010. № 29. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 06.11.2015). Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/polevye-podhody-k-izucheniyu-emotsiy-v-lingvistike#ixzz3qgbiBhD>

29. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под. ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд. Стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

30. Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — Т. 2. – 768 с.

31. Платонов О. А. Энциклопедический словарь русской цивилизации. / Сост. О. А. Платонов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. 1148 с.

32. Полякова Е. И. Определение концепта на основе лингвокультурологического подхода / Е. И. Полякова // [Текст]: Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). С. 155 – 156.

33. Попов А. В. В. И. Соколовский. / А. В. Попов // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с.

34. Розенталь Д. Э. , Голуб И. Б. Секреты стилистики. – 3-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 208 с. – (Домашний репетитор).

35. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с. (Классики и современники. Рус.классич. лит-ра).

36. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000.

37. Смирнова, А. А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека: на примере произведений М. А. Булгакова. [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. н. : спец. 10. 02. 01 / Смирнова А. А. , [Москва. ГОУ ВПО ун-т, каф.ист. рус. языка и общего языкознания]. – Москва, 2011. – 191 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-10/383. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/j> (дата обращения: 29.07.2015).

38. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.) и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1981. – 1600с. С илл.

39. Соколовский В. И. «Ни разу счастием я не был упоен...» – Ставрополь: «ЮРКИТ», 2001.144 с.+ вклейка.

40. Соколовский В.И. Рассказы сибиряка. – М.: В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1833. Примечание В.С. Киселева-

Сергенина печатается по изданию: Библиотека поэта. Поэты 1820 – 1830 х годов. – Л.: Советский писатель, 1972. – Том 2. – С. 721 – 725.

41. Талапова Татьяна Андреевна. Концепт "Вера/Неверие" в русской языковой картине мира [Электронный ресурс]: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 / Талапова Татьяна Андреевна; [Место защиты: ГОУВПО "Хакасский государственный университет"].- Абакан, 2009.- 198 с.: ил. URL: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 27.10.2015).

42. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. М.: «Просвещение», 1978. 727 с.

43. Трещалина, И. В. Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов [Электронный ресурс] / И. В. Трещалина: автореф. дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 / [Твер. гос. ун-т]. Тверь, 1998. – 167 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/> (дата обращения: 16.07.2015).

44. Хисамова Г. Г. Языковая личность персонажа в художественном тексте. [Текст]: науч ст.: 10. 02. 00: Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 214–217. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2014. - 242 с.

45. Чивилихин В. А. О В. И. Соколовском. / В. А. Чивилихин // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с.

46. Чурилина Любовь Николаевна. Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена . 2003. №5. С. 63-74.

47. Шаповалова О. А. Этимологический словарь русского языка / О. А. Шаповалова. – Изд. 5-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 238, [1] с. – (Словари).

48. Шеина И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта. Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 2. – 2010. – М.: Изд-во МГОУ. – 244 с.

49. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Владимир Соколовский: Счастье было! / К. Э Штайн, Д. И. Петренко // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. Наук проф. В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СПУ, 2011. – Т. 2. – 768 с.

50. Якимов П. А. Концепт «Бог» в художественной картине мира Семена Липкина / П. А. Якимов // Вестник ОГУ. – 2012. № 11 (147) / ноябрь. – С 145 – 147.

Приложение 1

Биографическая справка В. И. Соколовского (1808 – 1839).

(Выборка по датам сделана по статье В. Кравченко «Надеждам ты не измени...», [к 200-летию со дня рождения Владимира Игнатьевича Соколовского, поэта, литератора, журналиста] /В. Н. Кравченко// Литературное Ставрополье: альманах. – 2008.– № 1. – С. 168-181).

1808 – год рождения;

1826 – выпускник 1-го Кадетского корпуса в Петербурге;

1828 – служба в канцелярии Енисейского общего губернского управления под началом А. П. Степанова;

1830 – первый выход в журнале «Галатее» стихотворения «Прощание»;

1831 – увольнение со службы в Красноярске, поездка в Москву;

1834–поездка в Петербург; служба в должности помощника секретаря в канцелярии военного генерал-губернатора П. К. Эссена. Арест;

1835 (31 марта) – по приговору суда помещен в Шлиссенбургскую крепость на три года;

1836 (декабрь) – освобожден из Шлиссенбургской крепости под поручительство брата Н. Соколовского;

1837–напечатаны отрывки из поэмы «Альма» в журнале «Современник» за № 2;

1838 – живет в Вологде; работает над организацией газеты «Вологодские губернские ведомости»;

1839 – прибывает на Кавказ в г. Ставрополь;

19 ноября 1839 – скончался; похоронен в Ставрополе (Варваринское кладбище); могила не сохранилась.

Приложение 2

«Рассказы сибиряка». История создания. Сюжет. Композиция

Из истории создания «Рассказов сибиряка» известно, что они вышли в свет в 1833 году. По цензурным причинам, чтобы напечатать их, автору пришлось пойти на хитрость. В произведении есть рассказ о начальном становлении монгольской веры. Это обстоятельство позволило напечатать «Рассказы...» в типографии Лазаревых Института восточных языков. В 1830-х годах она считалась одной из лучших в Москве; здесь печатались учебники и монографии на 13 языках.

Но книга В.И. Соколовского не содержит никаких сведений из области фундаментальной науки востоковедения. Вот как пишет об этом В. Чивилихин: «Особая тонкость заключалась в том, что Владимир Соколовский издал книгу – где бы вы думали? Воистину нельзя не восхититься изобретательностью автора – на титульном листе «Рассказов сибиряка», внешне выглядевших как шутовское стихотворно-прозаическое изложение сведений по ориенталистике, то есть востоковедению, значит: «В типографии Лазаревых Института Восточных языков». Эта уловка, кажется, частично ввела в заблуждение даже специалистов, за полтора века не заметивших в «Рассказах сибиряка» умной и злой карикатуры на императора и государственное устройство России» [Чивилихин, 2011, с. 257].

В жанровом отношении это произведение также представляет загадку. На первый взгляд, жанр назван самим автором уже в заглавии. Но тот же В. Чивилихин пишет: «Затрудняюсь определить жанр «Рассказов сибиряка». Это не проза, не поэзия, не популярное историческое переложение, не сатира на современность, не литературный манифест, не веселая пародия на традиционные жанры, не политический памфлет, хотя элементы и первого, и второго, и пятого, и десятого присутствуют в этом странном, ни на что не похожем сочинении» [там же].

В «Рассказах...» всего два главных действующих лица. Это рассказчик, никак не названный по имени, и его собеседница – Катинька. Интересно то, что собеседницы в художественной реальности не существует. Она чистый вымысел повествователя. В этом он откровенно признается на страницах произведения: «... пылкая мечта моя создала прекрасный ваш призрак...» (с. 95). Разговор ведет рассказчик, которому важно не только передать Катиньке историю зарождения шагямунианской веры, но и не менее важно пересказать «интриг минувших повесть» (с. 91), то есть всю историю своей жизни. Поэтому возникает две сюжетные линии. Одна статична, основана на описании душевных переживаний героя по поводу несовершенства человеческой жизни вообще и его личной в частности; другая – основана на повествовании о зарождении шагямунианской веры и рассказе о жизненных перипетиях поэта. Обе сюжетные линии искусно переплетаются в композиции произведения. Непросто найти между ними границу. «Рассказы...» состоят из пяти частей с эпиграфом, посвящением и послесловием.

Известно, что в 1834 году «Московский телеграф» поместил первую рецензию на «Рассказы сибиряка» В. Соколовского. Она была в то время единственной.

Современными исследователями, в частности К. Э. Штайн, Д. И. Петренко в работе под названием «Владимир Соколовский: Счастье было!» подчеркивается, что «По своему строению “Рассказы сибиряка” представляют собой многомерный текст, в котором обнаруживаются принципы явно выраженного, как и у М.Ю. Лермонтова, авторского артистизма, когда позиция автора находит выражение скорее в формальных принципах построения произведения (эпиграфы, композиция, текст в тексте)» [Штайн, Петренко, 2001, с. 183].

Приложение 3

Вербализация понятия АНГЕЛ

1. Скажите, к *ангельским* словам / Я быть доверчивым могу ли? [с. 91];
2. У всех на место сердца – камень / И только в нем небесный пламень / От скуки *ангел* стережет ... [с. 92];
3. Я все пишу для *ангельской* улыбки ... [с. 95];
4. Когда мы *ангела* найдем, / Услышим сердца звук ответный [с. 95];
5. Нет! Вы *ангел* – и виноватый ожидает пощады [с. 106];
6. Вас, милый *ангел*, увлекала [с. 107];
7. Однако ж, милый *ангел* мой, / Нельзя ль сердитей быть еще бы [с. 115];
8. Вдруг, как *ангел* *искупленья* / Предо мной явились вы! [с. 116].

Вербализация понятия БЕДА

1. И все друзья, да *на беду* / Мы с этим кладом все в накладе [с. 90].
2. Тогда б не миновать *беде* / Все б замыслы Шагя пропали!.. [с.99].
3. И в этой горькой неудаче / Остался, *бедный*, при своих... [с. 92].
4. Различия, существующие между умным и глупцом, между ученым и неучем, совершенно уничтожались тогда перед господствующими делениями народа: сильный и бессильный, богатый и *бедный*... [с.96].
5. *Бедняжку* мучила водяная... [с. 97].
6. Неприметно распространялось число поклонников Шагя-Муни, и хвалы ему, раздавшись сперва в *бедных* войлочных юртах простых монголов, проникли наконец до богатых шатров Чингиса; однако ж ни он, ни сын его Угудэй-хан не изменили, кажется, своей шаманской вере [с. 97].
7. Что мы под четырьмя *бедами* / Обречены страдать судьбами [с. 100].
8. Рожденье – первая *беда* / Болезни нам *беда* вторая:.. [с. 100].
9. И старость, с тяжелой ношей лет, / Печальная, полуживая, / Есть третья *беда* мирская [с. 100].
10. Но смерть пришла – и над тобой / Четвертая *беда* свершилась [с. 100].

11. Так думал Шагя-Муни, не озаренный, как мы, высоким духовным светом, и потому рождение, болезни, старость и смерть он называл четырьмя *бедственными* истинами [с. 100].
12. Началась потасовка то ли за дело, то ли ни за что ни про что, и кончилась тем, что асури, как *побежденные*, сперва подавай Бог ноги, а потом дали тягу на Сюммер, и тут только спаслись от преследования... [с. 107].
13. ... вот *бедным* асури сделалось тесновато, и некоторые из них стали помаленьку переселяться на Самбу-Тиб [с. 108].
14. И тут же *на беду* сыскали / Еще какой-то плод: Сало [с. 111].
15. *В* такой негаданной *беде* / Всем грешным было не до шутки,.. [с. 111].
16. Если бы, паче чаяния, дело дошло до меня, то я желал бы в особенности *избегнуть* только двух вещей:.. [с. 114].
17. И, как *бедный*, жалкий раб / Ненасытного желания, / Я был немощен и слаб [с.115].
18. И *бедою* заклеямилися / Дни печальные мои [с. 115].

Вербализация понятия БЕСКОНЕЧНОСТЬ

1. ...в целой *бесконечности* одно станет заменяться другим [с. 104];
2. Высокая мысль о жизни в *бесконечности* искажена у них всегдашним соединением души и материи [с. 113];
3. И надежда сладко вея / Из надзвездной высоты / На восторги неземные, / Зажигала огневые, / Вдохновенные мечты... [с. 116].

Вербализация понятия БОГ

1. И вот вам шалость, *Господа!* – [с. 90];
2. Ведь как прикинется *безбожно!* [с. 90];
3. (Простите, *господа* знакомые!) [с. 90];
4. И вот является *богиня*. [с. 92];
5. Ах! Скольких бы тогда, мой *Боже!* / Не напроказил я проказ! [с. 92];

6. **Боже** ты мой! [с. 93];
7. Но я **божуся** вам богами,.. [с. 94];
8. Ах, Катинька! да как вы хороши! / Но ради **Бога** вы держитесь прямее:... [с. 95];
9. Если (чего **Боже сохрани!**) вы знаете по-монгольски... [с. 95];
10. Все та ж над ним любовь **господня**,.. [с. 96];
11. Неприметно распространялось число поклонников **Шагя-Муни** [с. 97] ;
12. ... первым шагямунианцем из монгольских **государей** был Гуюк-хан (Гаюк)... [с. 97];
13. Но вспомните, **ради Бога!** [с.97];
14. Оно было передано **Государю**, его супруге и главным чинам **государства** ... [с. 97];
15. С лишком за две тысячи лет до Р. Х. явилось в Индии учение **Будгы**, или **Будды**. Вы спросите меня: кто такой этот **Будга?** – Он есть **вишну**, второе свойство индийского **Божества**: это хранительная сила природы; **Браhma**, первое свойство сего **божества**, есть сила творческая, и, наконец, **Сива**, или **Шива**, есть третье свойство... [98];
16. Но мне сдается, что напрасно / Так хлопотал индийский **бог** [с. 98];
17. Царек вступил на **Божий свет** [с. 99];
18. И надо ж побояться **Бога** [с. 99];
19. Но, **Бог с ними!** [с. 99];
20. Что если, **Господи прости!** [с. 103];
21. **Боже мой!** [с. 105];
22. ... что вместе с мирами будут переменяться и **боги**... [с. 105];
23. Таким образом, все **боги**, которые управляли мирами, <...> называются: Ометофо; то, которое управляет нынешними – есть **Шикеофо**; а все те **божества**, которые будут **владычествовать** над новыми вселенными, называются теперь **Мелифо** [с. 105];
24. Ах, **Боже мой!** Да что за чудо! [с. 105];

25. В настоящее время *Шагя-Муни*, как *Шикеафо* нашей вселенной <...> приятельски поделился с другими бурханами относительно частей. Так, например, бурхану *Мандари* и будущему преемнику его *Мандзошири* он препоручил наблюдать, чтобы в мире шло своим порядком; бурхан *Хурмуста* должен хлопотать о благе всех тварей; грешники сдаются на руки *Эрлык-Номун-хану*; *Очирбани* заведывает бурями, метелями, ураганами и т. д. [с. 105];
26. У *Эрлык-Номун-хана*, так же как и у *Плутона*, прехорошенькая жена... [с. 106];
27. Нет, что вы?.. *Боже сохрани!* [с. 105];
28. Но укрепил меня мой *Бог* [с.106];
29. Однако ж, друг мой, *ради Бога*... [с. 109];
30. *Боже мой!* Как это скучно! [с. 115];
31. ... вы не верьте, *Бога ради*, этому злему человеку [с. 115];
32. Нестерпима казнь ужасная / Грозных *Божиих* мечей [с. 115];
33. Ваши сладкие слова <> / Долетят они до *Бога* [с. 115];
34. *Господи*, прости мои согрешения! [с. 117].

Вербализация понятия ВЕРА

1. Скажите, к ангельским словам / Я быть *доверчивым* могу ли?.. [с. 90];
2. О! как прелестно вы взглянули: / Я *верю* этим небесам! — [с. 90];
3. Но если дело пошло уже на правду, мне должно сказать вам *откровенно*:.. [с. 91];
4. Оно, *наверно*, было и в допотопных святцах (если только до потопа издавались святцы) [с. 91];
5. ...впрочем, я *уверен*, что вы уважаете людей, а не имена,.. [с. 91];
6. ...я во сто раз охотнее принимаюсь за перо и, *верно*, в десять пишу скорее обыкновенного [с. 91];
7. ...тогда, увидя мою откровенность, вы, может быть, *поверите*, что душа моя совершенно наполнена вами.. [с. 91];

8. А *верно*, совесть есть навряд / В ином ханже красноречивом [с. 91];
9. Он понял всех, а уж его / Никто *наверно* не раскусит [с. 92];
10. Так уж завистливый тотчас / *Наверно* кашляет от злости [с. 93];
11. ...мой знакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку своих выписок из духовных монгольских книг о мифологических преданиях и *о вере* этих чудаков — монголов [с. 93];
12. ...я начну свои рассказы о нынешней *вере* монголов с самого начала [с. 96];
13. Если всякое духовное учение, принятое народами, должно называться по имени своего законодателя, то и *вера* монголов есть шагямунианская, а не далай-ламская [с. 96];
14. . И коротко, и ясно, и удовлетворительно; к тому же в этот мрак никак нельзя подать свечей, стало быть, все исследования, справки и *поверки* невозможны [с. 96];
15. Таким образом, иные говорят, что первые отпрыски сей *веры* стали приниматься на монгольской почве в конце XII и в начале XIII столетий [с. 96];
16. Шаманы *проповедовали* им свое учение изустно, по преданиям, и были очень плохи в медицине [с. 96];
17. Об этом, *верно*, как-нибудь проведали тибетские ламы, смекнули делом и очень умно воспользовались своими посильными знаниями древней индийской медицины и теми лекарствами, которые получили они из Индии и Китая [с. 96];
18. К тому же этим *совершенно* удовлетворялось монгольское я [с. 97];
19. Меня *уверял* один почтенный мой знакомец, человек самый *достоверный*, что первым шагямунианцем из монгольских государей был Гуюк-хан [с. 97];
20. И вот, любезный мой Гуюк, / Спастися *верой* вздумал вдруг [с. 97];
21. .. *Верно*, я переименовал это варварское имя [с. 97];

22. Он вылечил Гуюка, и тот из благодарности, из уважения, из *суеверия*, из чего вам угодно принял шагямунианство [с. 97];
23. Что этот Мынге точно был шагямунианцем, это не *подвержено* никакому сомнению [с. 97];
24. У мужа своего с мольбой / *За веру* новую просила [с. 97];
25. Из них-то и увидел я, что *вера* фоевская начинала существовать в Монголии не только в XII и XI веках, но даже в IV [с. 98];
26. ...и фоисты и шагямунианцы имеют одни и те же основные правила, *верят* одним и тем же истинам и заблуждаются ничуть не хуже друг друга; вся разница в одних наружных обрядах... [с. 98];
27. Хотите ли вы или не хотите *поверить* этим отрывкам, это совершенно не мое дело [с. 98];
28. *Верование* будгистов есть раскол первобытной *веры* бирманов, и если относительно появления первой в Индии помириться, ровно на две тысячи лет до Р. Х., то какова же должна быть древность учения Брагмы?.. [с. 98];
29. Да! восемь тысяч! не шутя, / И как?.. *поверите ли?* — слишком!.. [с. 98];
30. Другие монгольские писатели *уверяют*, что Шагя-Муни имел не 8400 жен, а 84000 [с. 98];
31. Они *уверяют*, что этот прекрасный отрок, одаренный тридцатью двумя подобиями красоты и осьмидесятью красотами, имел все возможные душевные совершенства [с. 99];
32. Да! *верно* господин Ардашиди пришивал смолода, иначе в чем бы ему раскаиваться? [с. 99];
33. В это время он составил главные правила своего учения, которые впоследствии пространно изложены пятью его учениками в ста осьми книгах Ганжура, то есть: словесного учения, называемого опорой *веры* [с. 100];
34. А как забывчив, думал я, / И что же вышло *на проверку?* — [с. 101];
35. Вы *не верите?* Так загляните же в любую мифологическую монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная истина...;

36. Он слепо **вверился** уму — / Так, стало, **веровал** удаче [с. 102];
37. Есть ли у вас, мой прелестный ангел, какая-нибудь любимая звездочка?.. **Верно** есть!.. [с. 103];
38. Он, **верно**, был в добре — глупец, / А в злости — превосходный гений [с. 106];
39. Вот в чем, прелестная Катинька; когда говорил я на 11 странице о ваших глазах, мне пришло на мысль выразиться: «я **верю** этим небесам!»... [с. 106];
40. Признаюсь, тогда я точно твердо **был уверен**, что у вас голубые глаза[с. 106];
41. Никому не известно, когда, как и кем они созданы, но зато я смело могу вас **уверить**, что блаженство их было неописанное, потому что его никто не описывал [с. 107];
42. Все последующие события доказаны у шагямунианцев **вернейшими** историческими актами; тут незачем ходить ощупью: истина ясна, как день [с. 108];
43. — «Так, **верно**, лесу не жалели / И жгли огромные костры? [с. 108];
44. И, **верно**, амина того / Никто добром не вспомянет [с. 109];
45. — «Мне это что-то мудрено; / Так разница была, **наверно?**» — [с. 109];
46. **Поверите** ли вы, прелестная Катинька, что разность в цвете лица породила ужасный грех гордости?.. [с. 112];
47. Вы, **верно**, знаете, что Индия и Эйнеткек — одно и то же [с. 112];
48. Мне сказывали, будто по-нашему, по-русски, это значит: всеми избранный царь; впрочем, **я не ручаюсь за верность** перевода... [с. 113];
49. Мой эстетический сосед держит, **вероятно**, для голоса, как вы думаете кого? — бесхвостого павлина! [с. 113];
50. Шагямунианцы признают, что душа бессмертна, но как они признают это?.. Не по убеждению просвещенной **веры**, как мы, а по внушению невежественного **суеверия**, как многие [с. 113];

51. Они никак не могут различить бессмертного духа разума, который проявлен только в одном человеке от неистощимого духа жизни, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе; одним словом — они **верят** переселению душ [с. 113, 114];
52. Мне бы хотелось, впрочем, привести к вам любого из этих фениксов: я бы посмотрел тогда, как бы он начал сравнивать свои **совершенства** с вашими,.. [с. 114];
53. Потому-то шагямунианцы и **веруют** в постепенность наград и в постепенность наказаний [с. 114];
54. ...взгляните на него посерьезнее — и он, **верно**, будет нем, как рыба [с. 115];
55. А то, в лицо вам посмотрев, / Я будто **с ревности** тоскую [с. 115];
56. И надеждою спасительной / Я **доверчиво** дышал [с. 115];
57. Неужель мне **доверять** / Неге чистого мечтанья,.. [с. 115];
58. Дуги семицветной священной сиянье: / В нем **вера** в спасенье для грешных слита,.. [с. 116].

Вербализация понятия ВИНА

1. Ах, нет!.. я **виноват** пред вами... [с. 99];
2. Нет! Вы ангел – и **виноватый** ожидает пощады [с. 106];
3. А ведь **повинной** головы / И даже меч не отсекает [с. 106];
1. Но вы пеняйте на судьбу, / а я уж тут не **виноватой** [с. 112];
4. Ах, **виноват!** Я и забыл, / Что ты, брат, олух деревенский [с. 117].

Вербализация понятия ВСЕЛЕННАЯ

1. Всем известно, что посередине **вселенной** находится высочайшая гора Сюммер [с. 102];
2. Окружность **вселенной** простирается до 30000000 верст [с. 103];
3. Зато, как будто на ладони, / Ему **вселенная** видна [с. 103];

4. После этого первого солнца упадет другое побольше, там третье еще больше, наконец, седьмое доконает *вселенную* [с. 104];
5. А все те божества, которые будут владычествовать над новыми *вселенными*, называются теперь Мелифо [с. 105];
6. В настоящее время Шагя-Муни, как Шикеафо нашей *вселенной* <...> приятельски поделился с другими бурханами относительно частей [с. 105]
7. Этот Джалбу, или Рануза, титуловался священным именем: *Великого обладателя вселенной* [с. 113];
8. И надежда сладко вея / *Из надзвездной высоты* / На восторги неземные, / *Зажигала огневые*, / *Вдохновенные мечты...* [с. 116].

Вербализация понятия ГРЕХ

1. Что ж до меня, то я сначала / Кажусь на *грешника* похож,.. [с. 90];
2. Когда не знаешь вас – простительно *грешить* [с. 91];
3. Я вам покаюсь, чем жизнь моя *грешна*,.. [с. 91];
4. Хоть стыд сказать, а *грех* таить! [с. 92];
5. К тому же этак лгать *грешно*, / И надо ж побояться Бога [с. 99];
6. Сначала он шалил, нет спору, / Зато вы видели потом, / Как развязался он с *грехом* [с. 100];
7. Но, впрочем, кто же, кроме вас, / Хоть раза два, хоть только раз, / А чем-нибудь да не был *грешен*? [с. 100];
8. Так не судите же вы строго, / Что *грешными* земля полна [с. 100];
9. Она видна только до половины, но и этого довольно с нас *грешных* [с. 101];
10. Пусть на этой грязной глыбе / За *грешные* дела живем [с. 102];
11. Взглянув на *грешников* с участием, / Вы б нас знакомили со счастьем [с. 102];
12. И весь людской *греховный* род / Под этой казнию умрет [с. 104];
13. .. *грешники* сдаются на руки Эрлык-Номун-хану [с. 105];
14. Так, например, у них в одном / Согреют *грешников* огнем [с. 106];

15. Там то Эрлык-Номун-хан покажет себя! Главное, он озаботится тем, чтобы *грешные* монголы раскаялись в своих проказах [с. 106];
16. Я ждал вас у священной двери, / Как будто *греховодник* Див, / Влюбленный в миленькую Пери [с. 106];
17. Ваш взор был *грешнику* гроза [с. 106];
18. Итак, за несколько сот тысяч веков прежде, нежели на Самбу-Тибе стал существовать *грешный* человеческий род далеко, далеко от нас, на седьмом небе, жили себе припеваючи бессмертные духи генгери [с. 107];
19. Как жаль, что наш *греховный* род / Всегда заветное тревожит!.. [с. 110];
20. Но вам чужие *прегрешенья* / Пришла ж охота узнавать! [с. 110];
21. И нечего таить *греха*... [с. 110];
22. В такой негаданной беде / Всем *грешным* было не до шутки,.. [с. 111];
23. Я сам в любостяжаньи грешен .. [с. 111];
24. Поверите ли ... , что разность в цвете лица породила *ужасный грех* гордости? [с. 112];
25. В миг ужасный пробуждения / *Цепь греха* я грыз и рвал [с. 115];
26. Дуги семицветной священной сиянье: / В нем *вера в спасенье* для *грешных* слита,.. [с. 116];
27. Господи, прости мои *согрешения!* [с. 117];

Вербализация понятия ДОБРО

1. А впрочем, я *предобрый* малой!.. [с. 90];
2. И если б только утомить / Я вас рассказом не боялся, / Чему бы *доброму* тут быть? — / Да я б до смерти заболтался... [с. 94];
3. Как вы *добры!* Как вы милы!.. [с. 95];
4. ... для него приискали красавицу невесту с тридцатью двумя *добродетелями* [с. 99];
5. Изнуряя тело, он провел в пустыне остальную часть жизни своей, как образец *добродетели* [с. 100];
6. А!.. понимаю: — Вы *добры!* [с. 102];

7. На каждом из опустошенных миров останется только по одному *добродетельному* семейству [с. 104];
8. Он, верно, был в *добре* — глупец [с. 106];
9. И, верно, амина того / Никто *добром* не вспомянет [с. 109];
10. Еще не было слов: порок, слабость, зло; *добродетель* царствовала повсюду [с. 109];
11. Его любовь, его уважение были высочайшею наградою *добродетельных* и справедливых; но зато как жестоко наказывал он порочных — он их презирал!.. [с. 112];
12. Однако ж во всяком хуе есть *добро*, как вы это сами видите... [с. 113];
13. Прежде я был не в состоянии постигнуть, что бы могло заставить слить в одну идею и ужас и *хорошее* [с. 113];
14. Однако же, по их мнению, самую высочайшею наградою *добродетели* будет степень праведного, или бурхана, которую они получают на том свете [с. 114];
15. И мне как-то в душу запало мечтанье, / Что радуга — в небо для *добрых* врата!.. [с. 116].

Вербализация понятия ДУША

1. Я ль виноват, что тебя, черноокою, / Больше, чем *душу*, люблю? [с. 90];
2. ... *душа* моя совершенно наполнена вами и что в ней не только чьи-нибудь образы, но даже и самые идеи о тех образах не могут существовать с тех пор, как я так счастливо нашел вас на жизненном пути [с. 91];
3. «Мне жизнь — печаль, мне свет — пустыня! / С кем поделюся я *душой?*» — [с. 92];
4. И, в *духе* рыцарских времен / Он бросить всем готов перчатки, / Зачем не бредят все, как он... [с. 92];
5. Теперь *душа* иного просит [с. 92];

6. Во-вторых: когда я отыскивал вас на краю света, то в одном городе один почтенный мой знакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку своих выписок из *духовных* монгольских книг о мифологических преданиях и о вере этих чудаков — монголов [с. 93];
7. Надобно признаться, что странички две тому назад, рассказывая вам, что в одном городе один мой почтенный знакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку своих выписок из *духовных* монгольских книг, — я выразился довольно темно... [с. 94];
8. А ведь в глазах огонь бессмертия *души*... [с. 95];
9. Одно им дело: делать глазки / (У них ведь вся *душа* в глазах),.. [с. 96];
10. Если всякое *духовное* учение, принятое народами, должно называться по имени своего законодателя, то и вера монголов есть шагямунианская, а не далай-ламская [с. 96];
11. Тут поневоле прибегнешь к *душеспасительному* мраку неизвестности [с. 98];
12. Они уверяют, что этот прекрасный отрок, одаренный тридцатью двумя подобиями красоты и осьмидесятью красотами, имел все возможные *душевные* совершенства [с. 99];
13. Мне должно сказать вам, что только одни высокие, *душевные* наслаждения могут быть бесконечны, как сама *душа* [с. 99];
14. Там, за дверями гробовыми, / Невыразимой красоты / Восторгов волны разлиты, / *И дух* наш просияет ими [с. 99];
15. Так случилось и с Шагя-Муни. На двадцать девятом году от роду он стал изнегать под страшною тягостию *душевной* пустоты [с. 99];
16. И обновленную *душой* / Порок и зло возненавидел... [с. 100];
17. Так думал Шагя-Муни, не озаренный, как мы, высоким *духовным* светом, и потому рождение, болезни, старость и смерть он называл четырьмя бедственными истинами [с. 100];
18. На нижней полосе этой горы живут злые *духи* [с. 103];
19. Как вы в приемах хороши! / Но мне вас жалко от души [с. 103];

20. Я пренебрег *душой* моей [с. 107];
21. Итак, за несколько сот тысяч веков прежде, нежели на Самбу-Тибе стал существовать грешный человеческий род, далеко, далеко от нас, на седьмом небе, жили себе припеваючи бессмертные *духи* генгери [с. 107];
22. Здесь, по словам иных, они назвались *духами* аминами, и с этих-то пор начинается рассказ, который решительно не подвержен никакому сомнению [с. 108];
23. Итак, чтоб вам узнать бы тоже / Сей блеск *духовного* огня, / Вам стоит полюбить. — «Кого же?» / — Да разумеется меня! [с. 108];
24. Посмотрите мне в *душу*... [с. 108];
25. Главное дело в том, что *дух* нашел запрещенный плод [с. 109];
26. В этом проклятом Сало, или Салло, или Салу, заключался корень всех пороков, и первое бедствие, постигшее обитателей Самбу-Тиба в несчастное время, было — утрата чистой, *духовной* пищи, эфирное тело их сделалось грубым и требовало земного [с. 111];
27. К счастью всех обитателей Самбу-Тиба, явился тогда между ними некто, который чудесно сберег в *душе* своей всю красоту непорочности и правды... [с. 112];
28. Все были довольны — и благодарность поднесла ему титул: князя всех *духов*... [с. 112];
29. Шагямунианцы признают, что *душа* бессмертна, но как они признают это?.. [с. 113];
30. Высокая мысль с. о жизни в бесконечности искажена у них всегдашним соединением *души* и материи [с. 113];
31. Они никак не могут различить бессмертного *духа* разумения, который проявлен только в одном человеке от неистощимого *духа* жизни, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе; одним словом — они верят переселению *душ* [с. 113, 114];
32. У многих ли *формуляр души* так чист, как у вас? [с. 114];
33. И там, очей и *душ* отрада, / Сидит бурхан Абидаба [с. 114];

34. Даже радость и минутную / Не заманивал я в грудь, / И, бывало, в *душу* смутную / Я боялся заглянуть [с. 115];
35. Но надежда не сбывалась, / И тогда, в *душе* моей, / Только снова собиралась / Буря гибельных страстей [с. 115];
36. Но зачем *души* тоскою / Помрачить вам радость дней [с. 115];
37. Дева, дева-красота!.. / Но зачем *души* тоскою / Помрачить вам радость дней [с. 116];
38. И мне как-то в *душу* запало мечтанье, / Что радуга — в небо для добрых врата!.. [с. 116];
39. И в страстях *душа* моя, / Сиротствуя, погибала [с. 116];
40. Отдыхала и светлела / Изнемогшая *душа* [с. 116];
41. *Рай души* воскреснул вновь [с. 116];
42. Склоните ж, о дева! свой взор вдохновенный / На счастье святое *души* обновленной [с. 117];
43. Взгляните ж мне в *душу душою* своей!.. [с. 117].

Вербализация понятия ЖИЗНЬ

1. ... увиделся с вами в первый раз в *жизни* [с. 90];
2. ... как я счастливо нашел вас на жизненном пути [с. 91];
3. Мне *жизнь* – печаль [с. 92];
4. ... предварительные статьи важны во всех *жизнейских* случаях [с. 94];
5. А кто за чувственность продал / Высокий *подвиг* здешней *жизни*... [с. 99];
6. Он понял ясно *жизнь* земную [с. 99];
7. О! если б *жизнь* возобновилась, / Чтоб пережить *свой век* былой... [с. 100];
8. ... он провел в пустыне остальную *часть жизни* [с. 100];
9. *Вот жизнь так жизнь!* [с. 103];
10. А *жизнь?* – умора да и только! [с. 104];
11. ... и станут себе *жить да поживать* [с. 104];

12. Лета их *жизни* будут постепенно увеличиваться [с. 104];
13. Наш путь житейский страх смешон! [с. 105];
14. *Жили* себе припеваючи [с. 107];
15. Вот они *жили, жили...* [с. 107];
16. ... сладкая эфирная пища, долгая, долгая *жизнь* [с. 109];
17. А как вы думаете, поскольку они *живали?* [с. 109];
18. Амины *жили...* 80 тысяч лет [с. 109];
19. Согласитесь, тут было когда *пожить* [с. 109];
20. Весь Самбу-Тиб дышал новизною: новая *жизнь*, новые чувства, новые наслаждения, но уже лета этой *жизни* были сочтены наполовину [с. 109];
21. А *выжить*, право, не безделка [с. 109];
22. Чего бы, кажется, им надо? / Ну *жить* бы, *жить* да *поживать!* [с. 110];
23. *Жизнь* укоротилась вполовину ... [с. 111];
24. Высокая мысль *о жизни* в бесконечности искажена у них ... [с.113];
25. Они никак не могут различить бессмертного духа разумения, который проявлен только в одном человеке от неистощимого духа *жизни*, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе; одним словом — они верят переселению душ [с. 113, 114];
26. Чтобы не быть мне *в жизни* новой / Слугой покорным дурака,.. [с. 114];
27. Что блаженством одарило / *Жизнь* печальную мою! [с. 116];
28. Я узнал новую, прекрасную *жизнь* [с. 117].

Вербализация понятия ЗВЕЗДЫ

1. Есть ли у вас, мой прелестный ангел, какая-нибудь любимая *звездочка?* [с. 103];
2. ... и потому потрудитесь вообразить, что вы отыскиваете свою *светлую любимицу* [с. 103];
3. В то время не было в помине / *Ни звезд*, ни солнца, ни луны [с. 108];

4. Тут понадобились и солнце, и луна, и *звезды*, и все это было тотчас же сотворено [с. 108];
5. И высокая мечта, / Будто огонь *звезды* небесной, / В них светлеется чудесно / Дева, дева-красота! [с. 115, 116].

Вербализация понятия ЗЕМЛЯ

1. Для вас забыл я все *земное*... [с. 91];
2. ... меньше сплетней, как говорят мои *земляки сибиряки* [с. 95];
3. Но вечность *не удел земли!* [с. 99];
4. Он понял ясно *жизнь земную*... / От колыбелей до могил [с. 100];
5. Потом из вод – *земля* и камень [с. 111];
6. «Скажите мне, господин рассказчик, который из них *наша земля*. Как ее зовут по-монгольски, и в которой стороне?» [с. 101];
7. Как *о земле* сказать вам вдруг... [с. 101];
8. И издалека принеслись / *Земных* утешить *постояльцев* [с. 102];
9. Пусть мы *на этой грязной глыбе* / За грешные дела живем [с. 102];
10. *Земля наша* есть просто треугольник [с. 102];
11. ... то есть *земля прекрасных лиц*... [с. 102];
12. ... *земля*, привольная для рогатого скота [с. 102];
13. Тогда предтечей разрушенья / Прольется голод *над землей* [с. 104];
14. Потом в последние семь дней слетят *на землю* семь мечей [с. 104];
15. ... один из духов нашел Шиме, или *земное масло*, как называют другие [с. 109];
16. Эфирное тело сделалось грубо и требовало *земного* [с. 111];
17. Лететь *к земле* невольно тянет [с. 109];
18. Между тем толки о дележке *плодоносных земель* довели к спорам... [с. 112];
19. он наделил каждого равным *участком земли*... [с. 112];
20. . Не видали ль вы, прелестная, / Не видали ль вы порой, / Как идет гроза небесная / *Над испуганной землей?* [с. 115];

21. И земля, земля несчастная / Ждет гибели своей [с. 115];
22. Отторглись мы с вами от скучной земли! [с. 116];
23. И надежда, сладко вея, / Из надзвездной высоты / На восторги неземные / Зажигала огневые / Вдохновенные мечты [с. 116];
24. Не вы ли, не вы ли *страдальца земли* / Своим появлением чудесно спасли? [с. 116];
25. Там все, что нам красит *земное изгнание* [с. 116].

Вербализация понятия ЗЛО

1. Так уж завистливый тотчас / Наверно кашляет от злости [с. 93];
2. И обновленную душой / Порок и зло возненавидел... [с. 100];
3. И быстро думой благородной / От зла вознесся к вышине!.. [с. 100];
4. На нижней полосе этой горы живут злые духи... [с. 103];
5. А в злости превосходный гений [с. 106];
6. Еще не было слов: порок, слабость, зло ... [с. 109];
7. А как случилось это зло, / До нас в рассказах не дошло [с. 110];
8. Все упадать душою стали / В сердцах зашевелилось зло [с. 111];
9. Но мы тотчас другое зло / В минувшем нехотя заметим [с. 111];
10. Если какой-нибудь злой человек, желая поссорить нас, вздумает вам шепнуть, что это обстоятельство случилось со мною давно... [с. 115];
11. Так терзали страсти злобные / Обожателя мечты... [с. 116];
12. И во мне порок исчез / Будто злое привиденье [с. 116].

Вербализация понятия ЗНАНИЕ

1. Я столько же *знаю* по-монгольски, сколько царь Соломон... знал по-французски [с. 94];
2. Если (чего Боже сохрани!) вы *знаете* по-монгольски. То все промахи против монгольского правописания сваливайте на писца и наборщиков; мое дело совершенно стороннее: я *знать не знаю, ведать не ведаю*, .. [с. 95];

3. *Знаете ли*, прелестная Катинька, отчего кругом такая суета?.. [с. 95];
4. *Знаете ли* отчего?.. [с. 95];
5. *Зная*, может быть, что этот почтенный муж родился в Индии, при источниках Ганга, вы, конечно, спросите меня, когда и каким образом учение его проникло в Монголию? [с. 96];
6. Теперь, прелестная Катинька, когда вы *знаете*, каким образом учение Шагя-Муни перешло с берегов Ганга в Монголию, ... [с. 98];
7. Но, впрочем, важность небольшая / *Узнать*, кем он на свет создан [с. 99];
8. И я, по опыту я *знаю*, что есть в пространстве пустота [с. 104];
9. И *знаете ли*, до кого касается моя ошибка? [с. 106].
10. *Не знаю*, чего я должен ожидать: гнева или милости?.. [106].
11. И очи, полные огня, / Вы устремили на меня / И будто тайну *узнавали* [с. 107].
12. Но наперед вы *знать* должны... [с. 108];
13. Конечно! – Но они *не знали* / Заводов сальных и свечных [с. 108];
14. Итак, чтоб вам *узнать* бы тоже / Сей блеск духовного огня, Вам стоит полюбить. – «Кого же?» / - Да разумеется меня! [с. 108];
15. Монгольские книги не говорят ни полслова, каким образом лукавый помог найти ему это масло, а потому я решительно *не знаю*,... [с. 109];
16. Но вам чужие прегрешенья / Пришла ж охота *узнавать* [с. 110];
17. Тогда *узнал* любой из них, / Что различать приметы их / Не очень зоркий глаз был нужен... [с. 110];
18. Вы, верно, *знаете*, что Индия и Эйнеткек – одно и то же [с. 112];
19. ... и Боже его сохрани, если бы он, как-нибудь *зазнавшись*, / Рассказывать мне важно стал... [с. 114];
20. Я *узнал* новую, прекрасную жизнь [с. 117];
21. Ага! Что *значит* сила речи!.. [с. 117].

Вербализация понятия ИДЕАЛ

1. В подлунном мире я искал / Красот высоких *идеал*,.. [с.91].
2. Тот хочет вдруг, при первом шаге, / Сыскать для сердца *идеал*... [с.92].
3. Нет от волшебницы отбою; / Ты б закусил да задремал, — / Куда тебе!
— уж над тобою, Блестя одеждою цветною, / Парит волшебный *идеал*...
[с.95, 96].

Вербализация понятия ИСТИНА

1. ... рождение, болезни, старость и смерть он называл четырьмя бедственными *истинами* [с. 100];
2. ... загляните же в любую мифологическую монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная *истина* [с. 102];
3. ...*истина* ясна, как день... [с. 108].

Вербализация понятия Катинька

1. Я ль виноват, что *тебя, черноокою*, / Больше, чем душу, люблю? *А. Вельтман* [с. 90].
2. Ленивый прежде и беспечный, / Я стал другой, увидя *вас*,.. [с. 90].
3. Честь имею рекомендоваться *вам*, прелестная... Вот хорошо!.. чуть было не сказал: *прелестная Катинька*... [с. 90].
4. Мне кажется, что из всех моих знакомых в двух частях света (простите господу знакомые!) только *у одной особы* что на уме — то и на языке, и эта особа, разумеется, — *вы*;.. [с. 90].
5. Когда мне случается думать *о вас* (а я это делаю беспрестанно с тех пор, как недавно увиделся *с вами* в первый раз в жизни); когда я вспомню *ваши розовые уста*,.. [с. 90].
6. О! как *прелестно вы взглянули*: / Я верю этим небесам!.. [с. 90].
7. Я думывал *о вас* и прежде, / Когда в пленительной надежде, / В подлунном мире я искал / Красот высоких *идеал*,.. [с. 91].
8. *В вас все прекрасное* слито, / И признаюсь, в одном портрете / Я *с вас списал* уж кое-что... [с. 91].

9. Однако, ведь *надобно же называть вас как-нибудь*... Знаете ли что?.. Положим, что вы совсем *не Катинька* и что будто бы я только придумал это имя для шутки, затем, чтобы *вас* не узнали... [с. 91].
10. Как *вы* не прячьтесь за толпами, / На вас покажут все руками / И скажут мне: *да вот она!*.. [с. 91].
11. Все могут предполагать, что *вас зовут не Катинькой*, а как-нибудь иначе, и *ваше инкогнито* останется непроницаемым, несмотря на то, что я *буду называть вас настоящим вашим именем и прилагать к нему эпитет прелестной*, который вы так решительно заслуживаете [с. 91].
12. Теперь, когда мы условились о главном, мне остается рекомендовать себя окончательно; впрочем, я уверен, что *вы уважаете людей*, а не имена,.. [с. 91].
13. Я вам родня, мы все от Ноя, /Но больше всех *я вас люблю* [с. 91].
14. Мне кажется, что этого довольно, по крайней мере, на первый случай; потому что, *любя вас самой пламенной любовью*, — *так, как никого еще я не любил*, я *почитаю* себя *вправе посвящать вам мои труды*, а это для меня чрезвычайно важно: я во сто раз охотнее принимаюсь за перо и, верно, в десять пишу скорее обыкновенного [с. 91].
15. Я вам сказал, что *я вас так люблю*, как никого еще не любил... После этого выходит, мне нужно вывести себя на чистую воду; тогда, увидя мою откровенность, *вы*, может быть, *поверите*, что *душа моя* совершенно *наполнена вами* и что в ней не только чьи-нибудь образы, но даже и самые идеи о тех образах не могут существовать с тех пор, как я так *счастливо нашел вас* на жизненном пути [с.91].
16. Когда *не знаешь вас* — простительно грешить; / Но познакомившись — тут дело уж иное: / *Для вас забыл я все земное*, / *А вас нельзя ни для кого забыть!*.. [с. 91].
17. Притом же, *прелестная Катинька*, я вам признаюсь во всем так чистосердечно, что *вы*, верно, *будете* ко мне *снисходительны* [с. 91].

18. Тогда **вы скажете**, прощая шалуна: / «Ну, в этом есть, по крайней мере, совесть!»... [с. 91].
19. Если **вы** это **скажете, то отгадаете** как нельзя более: у меня точно, удивительно как много совести... [с. 91].
20. Видите ли, как немного, но я бы никак не начел и этой дюжины, если бы / Тогда **пришлось мне видеть вас**,.. [с. 93].
21. Но **вы на сердце залегли / Мечтой прекрасною** к Поэту — / И вот, страдалец на земли, / **Я вас отыскивал** по свету [с. 93].
22. Порой я видел, как вдали, / **Ну точно вы в толпе мелькали**,.. [с. 93].
23. Узнал, что все их красоты / **Далеко против ваших ниже**; / И **нет** у них, **так как у вас, / Неизъяснимого чего-то**,.. [с. 93].
24. Таким образом, история моих заблуждений и ошибок кончилась довольно хорошо, особенно **для вас**, и знаете ли почему? — Потому что все красоты, о которых я сказал теперь и которые принадлежат мне только как создание моей мечты, **составляют вашу прекрасную, заманчивую собственность**... Впрочем, и на мою долю пришлось чрезвычайно много выгод: во-первых, например, **я отыскал вас**... [с. 93].
25. А пусть-ка **кто увидит вас**, — / Так уж завистливый тотчас / Наверно кашлянет от злости;.. [с. 93].
26. **Я подражаю вам** — так стало, / И во сто раз умнее я [с. 93].
27. я нашел теперь прекраснейший случай пересказать все это **прелестнейшей девушке** в целом свете;.. [с. 93]
28. Во-первых, **вы со мной не говорите** ни полслова, следственно, **не будете бранить** меня за дерзость; во-вторых — вы **не обращаете** на меня никакого **внимания**, стало быть, **вам все равно**: говорю ли я, не говорю ли я, а для меня какая же разница!.. говорить с кем-нибудь и **говорить с вами... с вами?**.. [с. 93].
29. И если б только утомить / Я вас рассказом не боялся,.. [с. 94].
30. В-третьих, **вы** даже, может быть, **не будете знать**, что я тружусь только **для одних вас**, что я одним **вам посвящаю** мои томительные дни и

мои бессонные ночи, а когда *вы не будете знать*, следовательно, *вам нет до меня никакого дела*, тогда как я *имею до вас очень важное...* [с. 94].

31. О! *если бы вы* только *знали*, / Что я в вас по уши влюблен, / Тогда, быть может (сладкий сон!), / Меня *б вы ручкой приласкали,..* [с. 94].

32. .. я должен открыть *вам* по долгу моей совести (вот видите ли — везде совесть!) такие вещи, которые послужат вместо предисловия [с. 94].

33. Надобно признаться, что странички две тому назад, *рассказывая вам*, что в одном городе один мой почтенный знакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку <...> *Вы* тотчас, *пожалуй, подумаете*, что эти выписки были сделаны на монгольском языке и что я между делом перевел их и *для вас* выдаю теперь в свет [с. 94].

34. Пускай на суд людской молвы / Идут мои беседы *с вами*, / Но я, божуся *вам* богами, / Я занимаюсь только *вами*, / Да мной займетесь ли-то *вы?..* [с. 94].

35. Вдруг *вы* откуда ни возьмись [с. 94].

36. Нравится ли *вам* моя сметливость и умение пользоваться обстоятельствами!.. *Вы смеетесь*; но, сделайте милость, скажите мне, неужели есть на свете такие невежды в изящном, которые, *увидя вас*, или не убежали бы без оглядки, или не остановились на месте, как вкопанные?.. Вот когда *вы от меня за версту* — это дело десятое! — Тогда я вовсе не застенчив и так разговорчив, как нельзя более... Например, теперь пылкая мечта моя создала *прекрасный ваш призрак*; я подвигаю к моему стулу другой, гораздо покойнее; беру *вас* за ручку и сажаю подле себя... Что ж *вы покраснели?..* полноте!.. *взгляните-ка на меня...* [с. 95].

37. Ах, *Катинька!* да как вы хороши! / Но ради Бога вы держитесь прямее:.. [с. 95].

38. Как *вы* добры! Как *вы* милы!.. позвольте я *вас* расцелую... Да *не улетайте!* это одна невинная шутка... [с. 95].

39. Если (чего Боже сохрани!) **вы знаете** по-монгольски, то все промахи против монгольского правописание **сваливайте** на писца и наборщиков [с. 95].
40. Знаете ли, **прелестная Катинька**, отчего кругом нас такая суета?.. Отчего все люди, разумеется, **выключая только вас одних**, делают столько дурачеств?.. Знаете ли, отчего [с.95].
41. Я **вам** сказал, что над собою / Я испытал все это сам:.. [с. 95].
42. Чтобы доказать **вам**, что я человек точный, я начну свои рассказы о нынешней вере монголов с самого начала [с. 96].
43. Ну, прелестная **Катинька**, задали вы мне задачу!.. [с. 96].
44. Я был бы решительно затруднен отвечать **вам** на этот вопрос,.. [с. 96].
45. **Вы** знаете, что это был человек, который не любил шутить. Загляните в любую монгольскую книгу, где только говорится о нем, и **вы** увидите, что в то время не было недостатка в больных и раненых [с. 96].
46. Да, **прелестная Катинька**, монголы в XII веке не имели еще собственной грамоты, следовательно, какие тут лекари?.. [с. 96].
47. Скажите мне, **прелестная Катинька**, / Кому ж по сердцу гость незванный?.. [с. 97].
48. Теперь, **прелестная Катинька**, когда вы знаете, каким образом учение Шагя-Муни перешло с берегов Ганга в Монголию, теперь можно поговорить **с вами** и о самом законодателе; но прежде **потрудитесь перенестись** мысленно в хаос индийского мистицизма и мифов [с. 98].
49. И чуть бы **к вам** приволочился, / Я б вспыхнул весь, разгорячился, / И всех бы вызвал на дуэль [с. 98].
50. И вот одно **по вашей** части, / Хоть виноваты **только вы**, / Что я **от вас без головы**, / А я же **каюся вам** в страсти [с. 99].
51. Мне должно сказать **вам**, что только одни высокие, душевные наслаждения могут быть бесконечны, как сама душа;.. [с. 99].
52. Я **вас нашел** в толпе народной, — / И быстро, думой благородной, / От зла вознесся к вышине... / Так **не судите же вы** строго, / Что грешными

земля полна: / *Таких как вы, ей, ей! одна*, / А интересных — очень много!.. [с. 101].

53. Вниманья, *Катинька!* вниманья! / — «Его-то и не видеть *вам*», — / Хоть не ко мне; к моим словам: / Вот *вам* процесс мироздания!.. [с. 101].

54. Ах! *прелестная Катинька*, / Как *в вас* порывисты желанья! / Как о земле сказать *вам* вдруг,.. [с. 101].

55. Согласитесь, что это довольно трудно; но **перед вами** уничтожаются все препятствия... **Вам** стоит захотеть, попросить... Нет! **вы** приказывайте смело! / И вот, — для пробы хоть одной, / Скажите мне: «Будь муж ты мой». — / И тотчас будет в шляпе дело [102].

56. Однако ж, после такой волшебной силы *ваших* слов мне как-то невольно хочется / Порасспросить *вас* кой о чем... [с. 102].

57. Но *вы зачем на Самбу-Тибе?* / *Для вас* бы мог Шагя-Муни / Отвести на Сюммере квартиру, / Где бы, блистая, *ваши дни* / Текли, как звезды по эфиру; / *Вас* осенял бы вечный свет / **Вы б** наслажденьями дышали / И только ими числа лет / В прелестной думе поверяли. / Порой, быть может, с той горы, / Взглянув на грешников с участием, / **Вы б** нас знакомили со счастьем... / А!.. понимаю: — **Вы добры!** / **Вам** стало жалко нас, страдальцев, / О нашем благе **вы** пеклись, / И издалека *принеслись* / Земных утешить постояльцев [с. 102].

58. Но **вы**, может быть, *спросите* меня о фигуре нашего Самбу-Тибя? Или **вы**, может быть, *скажете*: «Да это уж известно, что он шарообразен, что он сжат у полюсов и возвышен под экватором». — Заблуждение, *прелестная Катинька!*.. Весь наш ученый мир в страшном заблуждении... Какие тут полюсы? и что такой за экватор?.. Земля наша есть просто треугольник... **Вы не верите?** Так *загляните* же в любую мифологическую монгольскую книгу, и **вы увидите**, что это самая неприкосновенная истина... [с. 102].

59. Наконец, я *вам* должен сказать, что у каждого из этих четырех главных Тибов есть по два маленьких спутника;.. [с. 103].

60. Однако ж, посмотрите... проклятые начинают волочиться *за вами*, — полетимте, пожалуйста, наверх... [с. 103].
61. Мне чрезвычайно приятно, что все это так занимает *вас*... [с. 103].
Прекрасное во всем любя, / **Вы** рады каждой здесь безделке: / **Вы** здесь, как дома у себя, / А я так не в своей тарелке; / В стране невыразимых благ / Везде *вам* ровная дорога;.. [с. 103].
62. Есть ли *у вас, мой прелестный ангел*, какая-нибудь любимая звездочка?..<...> Нам надобно еще взглянуть на самую вершину Сюммера, и потому потрудитесь вообразить, что **вы** отыскиваете светлую свою любимицу... [с. 103].
63. Закиньте вверх свою головку... / Как **вы** в приемах хороши! / Но мне *вас* жалко от души: / **Вам** этак, может быть, неловко?.. [с. 103].
64. Так *вам* не понравился Шагя-Муни?.. [с. 103].
65. Как **вы** думаете, что вы найдете после этой мысли?.. [с. 105].
66. И знаете ли, до кого касается моя ошибка?.. *До вас*... **Вы** удивлены? <..> Нет! **вы ангел** — и виноватый ожидает пощады.[с. 106].
67. Простите несчастливца **вы**, / Он *вас* слезами умоляет,.. [с. 106].
68. Вот в чем, *прелестная Катинька*; когда говорил я на 11 странице о *ваших* глазах, мне пришло на мысль выразиться: «я верю этим небесам!»... Признаюсь, тогда я точно твердо был уверен, что *у вас* голубые глаза. Я рассказывал всем знатокам, любителям и ценителям изящного, что небесный цвет *ваших* очей несравненно лучше настоящего небесного цвета [с. 106].
69. Я ждал *вас* у священной двери,.. [с. 106].
70. Вдруг **вы** в толпе других явились, / **Ваш** взор был грешнику гроза:
71. Я прямо в очи *вам* взглянул — / Они сияли и чернели... [с. 106].
72. И неприметно за собой / **Вас, милый ангел**, увлекала [с. 107].
73. Вдруг с кем-то **вы** от всех отстали, / И очи, полные огня, / **Вы** устремили на меня / И будто тайну узнавали:.. [с. 107].
74. Видите ли, *прелестная Катинька*, как затруднительно бывает мое положение, когда я осмеливаюсь *к вам* приближаться... Видите ли, что

только один особенный случай открыл мне, что *у вас* не голубые, но очаровательные черные глаза... Между тем это было четвертое наше свидание, что же мог я увидеть в первые три?.. Я так неожиданно *вас* нашел! я был так обрадован! так ослеплен! одним словом... [с. 107].

75. *На вас* не мог взглянуть я смело, / Я счел, что вижу все во сне,.. [с. 107].

76. Неужели и после этого *вы* не простите мне моей ошибки?.. *Вы* прощаете?.. [с. 107].

77. Серьезно я сказать хочу, / Что я влюбился *в вас* без шуток [с. 107].

78. Но наперед *вы* знать должны,.. [с. 108].

79. Мне кажется, что *амин вы*, / В земной, прелестной оболочке [с. 108].

80. Например, теперь посмотрите, как много волшебства в этом пламенном, пронизательном взгляде, который *вы* устремили на меня! Посмотрите мне в душу... [с. 108].

81. Да опустите *вы* немного / Своих ресниц блестящий пух;.. [с. 108].

82. И все *о вас, звезда моя*, / Твердить я буду без умолку [с. 109].

83. Да я бы сорок тысяч лет / Все стал *за вами* волочиться [с. 109].

84. Но *вам* чужие прегрешенья / Пришла ж охота узнавать!.. [с. 110].

85. Как рассказать бы *вам*, примерно, / Не очень ясно, не темно?.. [с. 110].

86. Да вот положимте, что *вы* находитесь в обществе девушек и мужчин: сперва стали обнимать *вас* ваши подруги, потом обнял я, я, и я, потому что мне нельзя же позволять, чтобы каждый обнимал *вас* сколько ему угодно... Теперь сравните наши объятия... [с. 110].

87. Положимте, что как-нибудь / Мой пыл любви, палящий грудь, / *У вас* — ответом сердца взвешен; / Что мне, как счастья звезда, / Горит в нем пламенное: да! / Что звук тот, полный упоенья, / *Из ваших* уст я сам узнал, — / Тогда, не медля ни мгновенья, / Я б *вас* с любовью стяжал... [с. 111].

88. Когда, в какой-то неге сладкой, / На *ваши* румянец засмотрюсь, / Тогда ему, *от вас* украдкой, / Дивлюсь — и все не надивлюсь!.. [с. 112].

89. И что заветное вкусить / *Вам* не пришла б тогда охота [с. 112].

90. Как **вы** сказали бесподобно! / Нельзя прелестнее сказать!.. / И точно! я согласен **с вами**: / Как ни прекрасен цвет ланит, / Но кто ж и как его сравнит / С волшебными-светлыми глазами?.. / Итак, **ваши** нынешний приказ / Я никогда не позабуду, / И с этих пор — **при вас, без вас** / Все за глаза хвалить **вас** буду.
91. Поверите ли **вы, прелестная Катинька**, что разность в цвете лица породила ужасный грех гордости?.. [с. 112].
92. **Вы**, верно, знаете, что Индия и Эйнеткек — одно и то же. Теперь потрудитесь выговорить тибетское название того же самого князя... [с. 112].
93. Итак, **прелестная Катинька**, вот где начало властей [с. 113].
94. Мне бы очень приятно было беседовать **с вами**; но сами посудите: возможно ли это?.. [с. 113].
95. Однако ж во всяком хуе есть добро, как **вы** это сами видите... [с. 113].
96. Ах! **отодвиньте** дальше стул; / **Закройте** уши поскорее; / Закружили?.. [с. 113].
97. Извините меня! **вы** не отгадали [с. 114].
98. Мне бы хотелось, впрочем, привести **к вам** любого из этих фениксов: я бы посмотрел тогда, как бы он начал сравнивать свои совершенства **с вашими**,.. [с. 114].
99. У многих ли формуляр души так чист, как **у вас**?.. [с. 114].
100. Я недавно говорил о перерождениях. Признаться ли **вам, прелестная Катинька**, что эти монгольские бредни нравятся мне чрезвычайно [с. 114].
101. Если какой-нибудь злой человек, желая поссорить нас, вздумает **вам** шепнуть, что это обстоятельство случилось со мною давно и что я-де рассказывал об нем прежде, так **вы** не верьте, Бога ради, этому злому человеку. **Вы**, знаете, притворитесь, что **вы** рассердились; взгляните на него посерьезнее — и он, верно, будет нем, как рыба. Потрудитесь на всякий случай повторить эту сцену [с. 115].
102. Нахмурьте личико для пробы... / Вот так его!.. вишь, он какой!.. / Однако ж, **милый ангел мой**, / Нельзя ль сердитей быть еще бы; / А то, в лицо **вам** посмотрев, / Я будто с ревности тоскую;.. [с. 115].

103. Не видали ль **вы, прелестная**, / Не видали ль **вы** порой,.. [с. 115].
104. Не видали ль **вы, прелестная**, / Не видали ль **вы** порой,.. [с. 115].
105. И слышнют мне едва / **Ваши** сладкие слова;.. [с. 115].
106. Вижу я, как с небесами / Говорите **вы** очами,.. [с. 115].
107. **Дева, дева-красота!**.. / Но зачем души тоскою/ Помрачить **вам** радость дней [с. 116].
108. **Дева! — радость!** — это **вы!**.. [с. 116].
109. Взгляните, любуйтесь, **прелестная дева**,.. [с. 116].
110. Отторглись **мы с вами** от скучной земли!
111. **Вы** видите ль чудо?.. любуйтесь им!
112. Вдруг, как ангел искупленья, / Предо мной явились **вы!**..
113. **Вы** слетели, как с небес, / И во мне порок исчез
114. Взгляните, любуйтесь, **прелестная дева**, / Как стихнула буря небесного гнева!.. / Не **вы** ли, не вы ли страдальца земли / Своим появлением чудесно спасли?
- Склоните ж, **о дева!** свой взор вдохновенный / На счастье святое души обновленной; / **Вы** можете взвесить прекрасное в ней: [с. 117].
115. **Взгляните** ж мне в душу душою своей!.. [с. 117].
116. Так, **прелестная моя спасительница**, так совершилось мое перерождение!.. Я узнал новую, прекрасную жизнь; но **вы**, поддержите ли **вы** меня на этом скользком пути своею любовью?.. **Вы** вздыхаете... **вы** не говорите мне ни слова... [с. 117].
117. А он, **мой ангел**, он — уснул! / Да, он уснул, прошу покорно!..
118. Я бы и готов продолжать, но, сами посудите, можно ли потревожить **прелестную Катиньку?**.. [с. 117].
119. Погаси-ка свечку, да пожалуйста, не стучи, как лошадь: ты этак разбудишь **мою Катиньку**. — «Какую, сударь, **Катиньку?** Здесь, кажется, никого не видно». — Глупец! разве ты не слышал **ее гармонического голоса?**.. [с. 117].
120. Где ж тебе увидеть **этот священный призрак!** ступай и спи!.. [с. 117].

Вербализация понятия КРАСОТА

1. Уста невинной *красоты* [с. 90].
2. В подлунном мире я искал / *Красот* высоких идеал;.. [с.91].
3. От вас он отражен в Поэте, / В вас все *прекрасное* слито,.. [с.91].
4. А верно, совесть есть навряд / В ином ханже *красноречивом* [с.91].
5. Но вы на сердце залегли / Мечтой *прекрасною* к Поэту — [с. 93].
6. Узнал, что все их *красоты* / Далеко против ваших ниже;.. [с. 93].
7. — Потому что все *красоты*, о которых я сказал теперь и которые принадлежат мне только как создание моей мечты, составляют вашу *прекрасную*, заманчивую собственность... [с. 93].
8. ... Наконец, третья выгода та, что я нашел теперь *прекраснейший* случай пересказать все это *прелестнейшей* девушке в целом свете;.. [с. 93].
9. Это будет *прекрасный* сюрприз, а я смерть люблю сюрпризы [с. 94].
10. Например, теперь пылкая мечта моя создала *прекрасный* ваш призрак; я подвигаю к моему стулу другой, гораздо покойнее; беру вас за ручку и сажаю подле себя... [с. 95].
11. Например, теперь пылкая мечта моя создала *прекрасный* ваш призрак; я подвигаю к моему стулу другой, гораздо покойнее; беру вас за ручку и сажаю подле себя... [с. 95].
12. И образ девушки *прекрасной* / Куда не сунься — тут как тут!.. [с. 95].
13. То есть или муж или жена заботятся о разнообразии; конечно, разнообразие *прекрасная* вещь — только не в супружестве [с. 96].
14. Тогда мужья, как в наши дни, / *Прекрасным* женам уступали,.. [с. 97].
15. Они уверяют, что этот *прекрасный* отрок, одаренный тридцатью двумя подобиями *красоты* и осьмидесятью *красотами*, имел все возможные душевные совершенства;.. [с. 99].
16. Там, за дверями гробовыми, / Невыразимой *красоты* / Восторгов волны разлиты,.. [с. 99].

17. Всем известно, что посредине вселенной находится высочайшая гора Сюммер; что на Юг от нее лежит наш треугольный Самбу-Тиб; на Восток круглый Улюмчжи-Бииту-Тиб, то есть земля *прекрасных* лиц [с. 102].
18. *Прекрасное* во всем любя, / Вы рады каждой здесь безделке:.. [с. 103].
19. Боже мой! ведь я и позабыл, что он перед смертью постился пятьдесят два года: *до красоты* ли тут?.. [с. 103].
20. Одна любовь и *красота* / Могла им только освещаться,.. [с. 108].
21. В то время они имели еще надежду получить обратно прежнее свое блаженство; а какого тягостного изгнания *не украсит* надежда?.. [с.109].
22. К счастью всех обитателей Самбу-Тиба, явился тогда между ними некто, который чудесно сберег в душе своей всю *красоту* непорочности и правды....[с. 112].
23. *Прекрасная*, величественная наружность; тонкий, пронизательный, глубокомысленный ум; мягкий и кроткий нрав; — одним словом, все давало ему пальму первенства между монгольскими предками [с. 112].
24. ... безобразный может переродиться в *красавца*.. [с. 114].
25. Дева! Дева-*красота*!.. [с. 115].
26. Дева! Дева-*красота*!.. [с. 116].
27. Рай души воскреснул вновь, / *Красотой* небес сияя, / И, как радуга цветная, / В нем затеплилась любовь!.. [с. 116].
28. Склоните ж, о дева! свой взор вдохновенный / На счастье святое души обновленной; / Вы можете взвесить *прекрасное* в ней:.. [с. 117].
29. Взгляните ж мне в душу душою своей!.. / Там все, что нам *красит* земное изгнанье:.. [с. 117].
30. Я узнал новую, *прекрасную* жизнь;.. [с. 117].

Вербализация понятия ЛУНА

1. На запад от Сюммера, третий мир, имеющий вид *полумесяца*, называется Ухэр-Эддекчи-Тиб, то есть: земля, привольная для рогатого скота [с. 102];

2. Окружность вселенной простирается до 30000000 верст, разумеется выключая солнце, луну и звезды ... [с. 103];
3. В то время не было в помине / Ни звезд, ни солнца, *ни луны* [с. 108];
4. Тут понадобились и солнце, *и луна*, и звезды, и все это было тотчас же сотворено [с. 108];-

Вербализация понятия ЛЮБОВЬ

1. Я ль виноват, что тебя, черноокую, / Больше, чем душу, *люблю?* [с. 90];
2. Теперь, когда мы условились о главном, мне остается рекомендовать себя окончательно; впрочем, я уверен, что вы уважаете людей, а не имена, и что ни вашей *любви*, ни даже вашего внимания / За эту цену не куплю,.. [с. 91];
3. Я вам родня, мы все от Ноя, / Но больше всех я вас *люблю* [с. 91];
4. Мне кажется, что этого довольно, по крайней мере, на первый случай; потому что, *любя* вас самой пламенной *любовью*, — так, как никого еще я *не любил*, я почитаю себя вправе посвящать вам мои труды, а это для меня чрезвычайно важно: я во сто раз охотнее принимаюсь за перо и, верно, в десять пишу скорее обыкновенного [с. 91];
5. Я вам сказал, что я вас так *люблю*, как никого еще *не любил*... [с. 91];
6. И наизусть из книг твердят: / *Любовь* и за пределом гроба!»... [с. 92];
7. Потом, по правилам *любви*, / Несчастливым предстоит разлука [с. 92];
8. Вот вам симптомы и припадки / *Сердечной глупой лихорадки*... [с. 92];
9. Я курс *любви* давно прошел [с. 92];
10. И, право, только для проказ, / *Влюблялся* я двенадцать раз [с. 93];
11. *Любимец* ветреной мечты — [с. 93];
12. Чем *любоваться* всякий раз / Так и берет меня охота... [с. 93];
13. О! если бы вы только знали, / Что я в вас по уши *влюблен* [с.];
14. Это будет прекрасный сюрприз, а я смерть *люблю* сюрпризы [с. 94].
15. Тогда, как будто б я *любил* / Уединенные прогулки, — [с. 94];
16. Возьмите в пример *любовь* [с. 95];

17. Тогда невольно, неприметно / *Влюбляемся* в один прием [с. 95];
18. Вы знаете, что это был человек, который *не любил* шутить [с. 96];
19. Все та ж над ним *любовь* Господня, / И то же в нем из ада — я [с. 96];
20. И вот, *любезный* мой Гуюк, / Спастися верой вздумал вдруг [с. 97];
21. У хана, видите ль, была / *Жена любимая* Чумбуя [с. 97];
22. Она шаманов *не любила* [с. 97];
23. во-вторых, всякому *любителю* чрезвычайно легко отыскать самому очень *любопытную* статью об этом предмете: стоит только перебрать и прочесть все русские журналы с 1815 года по настоящее время [с. 98];
24. *Люблю* за это: и уютно, и покойно!.. [с. 103];
25. Прекрасное во всем *любя*, / Вы рады каждой здесь безделке [с. 103];
26. Есть ли у вас, мой прелестный ангел, какая-нибудь *любимая* звездочка?.. [с. 103];
27. Нам надобно еще взглянуть на самую вершину Сюммера, и потому потрудитесь вообразить, что вы отыскиваете светлую свою *любимицу*... [с. 103];
28. Здоровье чересчур *любя*, Я плащ накину на себя [с. 105];
29. Я рассказывал всем знатокам, *любителям* и ценителям изящного, что небесный цвет ваших очей несравненно лучше настоящего небесного цвета [с. 106];
30. Как будто греховодник Див, / *Влюбленный* в миленькую Пери [с. 106];
31. Серьезно я сказать хочу, / Что я *влюбился* в вас без шуток [с. 107];
32. Одна *любовь* и красота / Могла им только освещаться [с. 108];
33. Вам стоит *полюбить*. — «Кого же?» / — Да разумеется меня! [с. 108];
34. Вечная *любовь*; вечное согласие; собственный, неугасимый свет; быстрый, легкий, вольный полет по всему Самбу-Тибу; сладкая эфирная пища и долгая, долгая жизнь... [с. 109];
35. Пора тяжелая пришла / Вам *неизвестного* влеченья... [с. 111];

36. Жадность одного породила порок *любостяжания* во всех; впрочем, порицать этого порока я не хочу и не могу, а кто не хочет и не может, тот, верно, и не станет [с. 111];
37. Я сам в *любостяжанье* грешен... [с. 111];
38. Положимте, что как-нибудь / Мой пыл *любви*, палящий грудь, / У вас — ответом сердца взвешен [с. 111];
39. Тогда, не медля ни мгновенья, / Я б вас с *любовию* стяжал... [с. 111];
40. Его *любовь*, его уважение были высочайшею наградою добродетельных и справедливых; но зато как жестоко наказывал он порочных — он их презирал!.. [с. 112];
41. «Что вы говорите?.. вот *прелюбопытная* вещь! [с. 114];
42. Взгляните, *любуйтесь*, прелестная дева, / Как тучи далеко за горы слились [с. 116];
43. Взгляните! *любуйтесь!* как зелень живая / Раскинулась пышно, листьями игр [с. 116];
44. Взгляните на воды! *любуйтесь* водами! [с. 116];
45. Взгляните на воды! *любуйтесь* водами! [с. 116];
46. *Любуйтесь* на этот торжественный вид! [с. 116];
47. Вы видите ль чудо?.. *любуйтесь* им! [с. 116];
48. Рай души воскреснул вновь, / Красотой небес сияя, / И, как радуга цветная, / В нем затеплилась *любовь!*.. [с. 116];
49. Взгляните, *любуйтесь*, прелестная дева, / Как стихнула буря небесного гнева!.. [с. 116];
50. Там все, что нам красит земное изгнанье: / Поэзии пламень, святая *любовь* [с. 117];
51. Я узнал новую, прекрасную жизнь; но вы, поддержите ли вы меня на этом скользком пути своею *любовью?*.. [с. 117].

Вербализация понятия МЕЧТА

1. И не сердечные *мечты* / В волшебных звуках изливали... [с. 90].

2. Твердит *мечтатель* пылкий мой,.. [с. 92].
3. Но вы на сердце залегли / *Мечтой* прекрасною к Поэту... [с. 93].
4. И пробужденные *мечтой* / Во мне надежды оживали.. [с. 93].
5. Любимиц ветреной *мечты* — / Узнал, что все их красоты / Далеко против ваших ниже;.. [с. 93].
6. Потому что все красоты, о которых я сказал теперь и которые принадлежат мне только как создание моей *мечты*, составляют вашу прекрасную, заманчивую собственность... [с. 93].
7. А я тотчас ее бы сжал / В пылу кипящего *мечтанья*.. [с. 94].
8. Например, теперь *пылкая мечта* моя создала прекрасный ваш призрак; я подвигаю к моему стулу другой, гораздо покойнее; беру вас за ручку и сажаю подле себя... [с. 95].
9. Я эту мысль не принимаю, / Она — нелепая *мечта*.. [с. 104].
10. Все эти лица и одежды, / Вся этой смеси пестрота / Была, как темная *мечта* / Пред светлым призраком надежды;.. [с. 106].
11. Но безнадежности *мечтами* / Сей дивный свет заволокло... [с. 108].
12. И высокая *мечта*, / Будто огонь звезды небесной, / В них светлеется чудесно.. [с. 115].
13. Неужель мне доверять / Неге чистого *мечтанья*.. [с. 116].
14. Нет!.. кипящими *мечтами* / До того не вознесусь, / Чтоб сказать вам про союз / Со святыми небесами!.. [с. 116].
15. И мне как-то в душу запало *мечтанье*, / Что радуга — в небо для добрых врата!.. [с. 116].
16. Зажигала огневые, / Вдохновенные *мечты*... [с. 116].
17. Взгляните ж мне в душу душою своей!.. / Там все, что нам красит земное изгнанье: / Поэзии пламень, святая любовь, / И гений надежды, и гений *мечтанья* / С пленительной вязью нетленных цветов!.. [с. 117].
18. И, одураченный *мечтою*, / Вот я и думаю себе:.. [с. 117].
19. Как обмануться так позорно?.. / Я весь *в мечтаньях* утонул,.. [с. 117].

Вербализация понятия МИР

1. В подлунном *мире* я искал ... [с. 91];
2. Ничтожный *мир* забыть хотят ... [с. 92];
3. Да! В кодексе *мирских* условий / Давно введен закон такой... [с. 94];
4. Есть третья беда *мирская* ... [с. 100];
5. Вот вам процесс *миросоздания* ... [с. 101];
6. ... четыре великих *мира*.. [с. 101];
7. Весь наш *ученый мир* в страшном заблуждении; [с. 102];
8. ... открыл, что *мир* наш треуголен... [с. 102];
9. На запад от Сьюмера третий *мир*, ... [с. 102];
10. Квадратный Модушу-Тиб есть четвертый *мир* ... [с. 103];
11. ... система состоит из двенадцати разнокалиберных *миров* ... [с. 103];
12. Он все концы своих *миров* / Благополучно спрятал в воду [с. 103];
13. Если *миры* когда-то составились <...> , то они непременно должны когда-нибудь разрушиться [с. 104];
14. Вдруг солнце (сверху без сомненья), / <...> На все *миры*, с размаха – бряк! [с. 104];
15. Над каждым из опустошенных *миров* останется только по одному добродетельному семейству [с. 104];
16. .. пятьдесят шесть Гал-абов составят Гал-абь-эрчиху, то есть всеобщее разрушение самых *миров* [с. 104];
17. Как создание существующих ныне *миров* было не первое, то и разрушение их будет не последнее ... [с. 104];
18. После великой мысли о возобновлении *миров*... Как вы думаете, что вы найдете после этой мысли?.. [с. 105];
19. Что вместе с *мирами* будут переменяться и боги... [с. 105];
20. ... все боги, которые управляли *мирами*, ... называются ... [с. 105];
21. ... чтобы в *мире* шло своим порядком ... [с. 105];
22. Да долго ли у вас, скажите. / Порожняком *мирам* стоять? [с. 107];
23. Кого все в *мире* уважали, / Кто был преступников гроза? [с. 112].

Вербализация понятия МУДРОСТЬ

1. Семь *мудрецов* во всяком деле / Споткнулись ныне бы как раз [с. 90];
2. Но в *мудром* таинстве лечить / Не *смыслил*, верно, ни бальмеца [с. 96];
3. «Мне это что-то *мудрено*; / Так разница была, наверно? [с. 110];

Вербализация понятия МЫСЛЬ

1. Я был бы решительно затруднен отвечать вам на этот вопрос, если бы, к счастью, не пришла мне теперь в голову *замысловатая увертка* всех господ рассказчиков: начало того-то теряется во мраке неизвестности [с. 96].
2. Но в *мудром* таинстве лечить / Не *смыслил*, верно, ни бальмеца,.. [с. 96].
3. ... но прежде потрудитесь перенестись *мысленно* в хаос индийского мистицизма и мифов [с. 98].
4. Тогда б не миновать беде: / Все б *замыслы* Шагя пропали! [с. 99].
5. И *мысль* спасения святую / В себе глубоко заронил,.. [с. 100].
6. Но этот неизбежный, бедственный случай рассказан у них еще *замысловатее*, нежели процесс создания [с. 104].
7. Я эту *мысль* не принимаю, / Она — нелепая мечта [с. 104].
8. После великой *мысли* о возобновлении миров... [с. 105]
9. Как вы думаете, что вы найдете после этой *мысли*?.. [с. 105].
10. — Вот в чем, прелестная Катинька; когда говорил я на 11 странице о ваших глазах, мне пришло *на мысль* выразиться: «я верю этим небесам!»... [с. 106].
11. Мне кажется, что для человека, который *мыслит* и чувствует, не может быть ничего ужаснее презрения [с. 112].
12. Высокая *мысль* с. о жизни в бесконечности искажена у них всегдашним соединением души и материи [с. 113].
13. Гасло на сердце священное / И *высокое в уме*,.. [с. 116].
14. Чиста, непорочна прелестная младость, / Как *мысль* вдохновенья, как детская радость,.. [с. 117].

Вербализация понятия НАДЕЖДА

1. Я думывал о вас и прежде, / Когда в *пленительной надежде*, / В подлунном мире я искал / Красот высоких идеал [с. 91];
2. И пробужденные мечтой / Во мне *надежды* оживали [с. 93];
3. Все эти лица и одежды / Вся этой смеси пестрота / Была, как темная мечта / Пред светлым призраком *надежды* [с. 106].
4. В то время они *имели* еще *надежду* получить обратно прежнее свое блаженство [с. 109];
5. ... а какого тягостного изгнания *не украсит надежда*? [с. 109];
6. И *надеждою спасительной* / Я доверчиво дышал [с. 115];
7. Но *надежда* не сбывалась... [с. 115];
8. И *надежда*, сладко вея, / Из надзвездной высоты / На восторги неземные, / Зажигала огневые, Вдохновенные мечты... [с. 116].

Вербализация понятия НЕБО

1. Я верю этим *небесам* [с. 91];
2. У всех на место сердца – камень / И только в нем *небесный пламень* / От скуки ангел стережет ... [с. 92];
3. От нечего делать водяные цари позволяют им гулять *по поднебесью*: тут-то пир горой! [с. 105];
4. ... не пришло на мысль выразиться: «Я *верю этим небесам!*» [с. 106];
5. Я рассказывал всем знатокам, <...> что *небесный цвет* ваших очей несравненно лучше *настоящего небесного цвета* [с. 106];
6. ... далеко от нас, *на седьмом небе*, жили себе припеваючи бессмертные духи генгери [с. 107];
7. Не видали ль вы, прелестная, / Не видали ль вы порой, / Как идет *гроза небесная* / Над испуганной землей? [с. 115];
8. Ветер свистнул, *в небе* вспыхнуло, / Ливень хлынул и шумит... [с. 115];
9. Вижу я, как *с небесами*, / Говорите вы очами... [с. 115];

10. И высокая мечта, / Будто огонь *звезды небесной* / В них светлеется чудесно... [с. 115];
11. Вы слетели, как с небес,.. [с. 116];
12. Как сладкою тайной наполнилась *высь* [с. 116];
13. Там с золотом солнца *небес бирюза!* [с. 116];
14. И бездна, и небо – все слилось в одно [с. 116];
15. То знаменье блещет *небесного мира*, / То неба улыбка на радость земным! [с. 116];
16. Что *радуга в небо* для добрых *врата* [с. 116];
17. Нет!.. кипящими мечтами / До того не вознесусь, / Чтоб сказать вам про союз *со святыми небесами!* [с. 116];
18. Рай души воскреснул вновь, / *Красотой небес* сияя,.. [с. 116];
19. Как стихнула буря *небесного гнева!* [с. 116];
20. *Улыбки небесной* пленительный вид! [с. 116].

Вербализация понятия ПЕЧАЛЬ

1. «Мне жизнь — *печаль*, мне свет — пустыня!.. [с. 92].
2. Он человечество увидел / С его *печальной* нищетой,.. [с. 100].
3. Я был недвижим, я *грустил*... [с. 107].
4. И что же вышло напоследок? — / Что в несколько *печальных* дней / Находкой масляной своей / Умаслил всех монгольский предок:.. [с. 109].
5. Под грозою дня *печального* / Нет ни теней, ни цветов,.. [с. 115].
6. И бедою заклеямилися / Дни *печальные* мои [с. 115].
7. Но зачем *души тоскою* / Помрачать вам радость дней [с. 115].
8. Но зачем *души тоскою* / Помрачать вам радость дней [с. 116].
9. Я услышал отклик нежный — / И *печали* безнадежной / Не прийти ко мне назад...[с. 116].
10. Нет! я в звуки не солью / Все, что так для сердца мило, / Что блаженством озарило / Жизнь *печальную* мою!.. [с. 116].

Вербализация понятия ПОКАЯНИЕ

2. Я вам *покаюся*, чем жизнь моя грешна [с. 91];
3. ... мне кажется, что одно слово: муни, то есть, *раскаявшийся*, опровергает их ... [с. 99];
4. Да!.. верно господин Ардашиди пришаливал смолода, иначе в чем бы ему *раскаиваться?* [с. 99];
5. А я же *каюся* вам в страсти [с. 99];
6. Главное, он озаботится тем, чтобы грешные монголы *раскаялись* [с. 106];

Вербализация понятия ПОРОК

1. И обновленную душой / *Порок* и зло возненавидел [с. 100];
2. Еще не было слов: *порок*, слабость, зло.. [с. 109];
3. В этом проклятом Сало или Салло, или Салу, заключался корень всех *пороков*,.. [с. 111];
4. Жадность одного породила *порок* любостяжания во всех [с. 111];
5. ... впрочем, порицать этого *порока* я не хочу... [с. 111];
6. Но зато как жестоко наказывал он *порочных* – он их презирал».. [с. 112];
7. Вы слетели, как с небес, / И во мне *порок* исчез... [с. 116].

Вербализация понятия ПРАВДА

1. Слова высокой притчи *правы!* [с. 90];
2. Но если дело уж пошло *на правду*... [с. 91];
3. Однако ж, к несчастью, я говорю *правду*... [с. 106];
4. ...самую высочайшую наградой добродетели будет степень *праведного* или бурхана [с. 114];
5. Так бурхан значит *праведный?* [с. 114];
6. Его любовь, его уважение были высочайшей наградой <...> *справедливых* [с. 112].

Вербализация понятия ПРОКАЗА

1. Была *проказа* и со мною,.. [с. 92].
2. И, право, только *для проказ*, / Влюблялся я двенадцать раз с. 92[]
3. Ах! скольких бы тогда, мой Боже! / Не *напроказил я проказ!*.. [с. 92].
4. Главное, он озаботится тем, чтобы грешные монголы раскаялись в прежних своих *проказах;*.. [с. 106].
5. Да тут не надобно рассказа; / Ведь это старая *проказа* [с. 110].
6. Вдруг наконец один из них... / — «Неужто снова *напроказил?*» [с. 111].

Вербализация понятия РАДОСТЬ

1. Он стал элегией ходячей / Он чужд *веселостей* чужих.. [с. 92].
2. Где *радости* легки, как дым,.. [с. 93].
3. Болезни нам беда вторая: / Как сильно мучат нас они, / Всю *радость* жизни отравляя!.. [с. 100].
4. И ждешь: — вот новый день придет, / Он мне *отраду* принесет;.. [с. 100].
5. Я так неожиданно вас нашел! я был так *обрадован!* так ослеплен! одним словом... [с. 107].
6. Таким образом мой эпиграф есть порыв неукротимой *радости*, и как не радоваться, когда все довольны?.. [с. 113].
7. Даже *радость* и минутную / Не заманивал я в грудь,.. [с. 115].
8. И веет отовсюду *отрадой* святою!.. [с. 116].
9. То неба улыбка *на радость* земным!.. [с. 116].
10. Чиста, непорочна прелестная младость, / Как мысль вдохновенья, как детская *радость;*.. [с. 117].

Вербализация понятия РЕЧЬ

1. На непослушном языке / Вот так и замирают *речи* [с. 94].
2. Весь этот гул пустых *речей*,.. [с. 106].

3. Что этой *речью* объяснишь?.. [с. 113].
4. Ага! что значит *сила речи!*.. [с. 117].

Вербализация понятия СЕРДЦЕ

1. И вот вам первый мой рассказ, / Но не сибирский — а *сердечный* [с. 90].
2. Конечно, тихомолком вы, может быть, и согласитесь со мною, что такая *простота сердца* чрезвычайно мила,.. [с. 90].
3. Все, кажется, живут в ладу, / Но *сердце* с языком в разладе,.. [с.90].
4. Уста невинной красоты / Хоть на смех иногда солгали / И не *сердечные мечты* / В волшебных звуках изливали... [с.90].
5. Но это в сторону; послушайте лучше о моих *сердечных тайнах*... [с. 92].
6. Тот хочет вдруг, при первом шаге, /Сыскать *для сердца* идеал... [с. 92].
7. Все жалки, холодны, как лед, /У всех на место *сердца* — камень,.. [с. 92].
8. Вот тут-то плохо: *в сердце* мука,.. [с. 92].
9. Вот вам симптомы и припадки / *Сердечной* глупой лихорадки... [с. 92].
10. Но вы *на сердце* залегли / Мечтой прекрасною к Поэту... [с. 92].
11. Когда мы ангела найдем, / Услышим *сердца* звук ответный,.. [с. 95].
12. Кому ж *по сердцу* гость незванный?.. [с. 97].
13. Сильно страдало его *сердце* от убийственных угрызений совести... [с. 99].
14. И буря *сердца* стала тише,.. [с. 100].
15. Это и в моде, и к тому же, не знаю отчего, всегда, как только увидишь ее, *на сердце* делается так тепло, так весело!.. [с/ 103].
16. Они, в острастку для народа, / Без умолку твердят ему, / Что он *по сердцу* и уму / Все будет хуже год от года;.. [с. 104].
17. Но укрепил меня мой Бог: / Я робость *в сердце* перемог,.. [с. 106].

18. Положимте, что как-нибудь / Мой пыл любви, палящий грудь, / У вас — *ответом сердца* взвешен;.. [с. 111].
19. Гасло *на сердце* священное / И высокое в уме,.. [с. 115].
20. Нет! я в звуки не солью / Все, что так *для сердца* мило,.. [с. 116].
21. Как туманы, разнеслись / *В сердце* чувственности смуты,.. [с. 116].
22. От священного эля, / *В сердце* быстро накопъ зла, / Будто ржавчина, сошла,.. [с. 116].

Вербализация понятия СКУКА

1. Еще *от скуки* слушать можно, / А в рот уж пальца не клади... [с. 90].
2. В другом морозом их прошколят; / А там, *от скуки*, попилят;.. [с. 106].
3. Одни мы в пространстве... в безбрежной дали / Отторглись мы с вами от *скучной* земли!.. [с. 116].
4. Я Музу приведу в поруки, / И я желаю, чтоб она / Вас заняла порой *от скуки* [с. 118].

Вербализация понятия СЛОВО

1. *Слова* высокой притчи правы [с.90].
2. Скажите, к ангельским *словам* / Я быть доверчивым могу ли?.. [с. 91].
3. Начните-ка просить друзей / Похлопотать, замолвить *слово*,.. [с. 92].
4. Во-первых, вы со мной не говорите *ни полслова*, следственно, не будете бранить меня за дерзость;.. [с. 93].
5. Виноват: позабыл сказать еще несколько *слов* [с.95].
6. Создавши новую природу, / Чтоб избежать проверки *слов*, — / Он все концы своих миров / Благополучно спрятал в воду [с. 103].
7. Монгольские книги не говорят *ни полслова*, каким образом лукавый помог ему найти это масло, а потому я решительно не знаю,.. [с. 109].
8. И слышнют мне едва / Ваши сладкие *слова*;.. [с. 115].
9. Вы вздыхаете... вы не говорите мне *ни слова*... [с. 117].

Вербализация понятия СМЕХ

1. Всему есть время: для труда, / Для слез, *для смеха, для забавы*... [с. 90].
2. Но тут поставить надо: но, / Затем, что простота *в смешное* / Обращена людьми давно,.. [с.90].
3. Уста невинной красоты / *Хоть на смех* иногда солгали [с.90].
4. И я дежурил в этой школе, / Чтобы других собой *смешить*,.. [с. 92].
5. Вы *смеетесь*; но, сделайте милость, скажите мне, неужели есть на свете такие невежды в изящном, которые, увидя вас, или не убежали бы без оглядки, или не остановились на месте, как вкопанные?.. [с. 95].
6. Но если я назвал не так, / Вы можете *смеяться* смело:.. [с. 97].
7. А жизнь? — *умора* да и только! / Как десять лет?.. Ведь *курам смех!*.. [с. 104].
8. Наш путь житейский страх *смешон!*.. [с. 105].
9. Хоть я *смеюся* и шучу, / Но сквозь мишурность прибауток / Серьезно я сказать хочу, / Что я влюбился в вас без шуток.. [с. 107].
10. «Не льстите, господин Поэт; / Хвалить в глаза — *смеяться* значит» [с. 112].
11. Я не сказал: людьми, затем, / Что в люди не выходят скоро; / И потому, что в свете сем / Все эти выскочки — *умора!*

Вербализация понятия СОВЕСТЬ

1. Ну, в этом есть, по крайней мере, *совесть!* [с. 91];
2. ... у меня точно удивительно как много *совести*... [с. 91];
3. Да! Нынче *совесть* стала дивом; / Об ней *бессовестно* твердят, / А верно, *совесть* есть навряд / В ином ханже красноречивом [с. 91];
4. Нам, право, *совестно*, ей! ей! / Но это сделать невозможно [с. 92];
5. *Стыд* сказать и грех таить [с. 92];

6. ... я торжественно приступаю к своим рассказам: но прежде, нежели начну, я должен открыть вам по долгу моей *совести* (вот видите ли – везде *совесть!*) такие вещи, которые послужат вместо предисловия [с. 94];
7. Тогда я вовсе *не застенчив* и так разговорчив, как нельзя более [с. 95];
8. Он был человек дельный, потому что умел пользоваться чужим, и из чужого составил такую монгольскую грамоту, что я, *говоря по совести*, ничего в ней не понимаю [с. 97, 98];
9. Сильно страдало его сердце от убийственных *угрызений совести* ... [с. 99];
10. Мне как-то *совестно* немного / В стране невыносимых благ [с. 103];
11. Тут бы я мог кончить мой третий рассказ, но *совесть* моя заставляет меня сделать наперед поправку в первом [с. 106];
12. Вот он поел немножко – глядь? / Ему чего-то *стыдно* стало [с. 110].

Вербализация понятия СОЛНЦЕ

1. Во тьме хаоса просиял / *Неугасимый, яркий пламень* [с. 101];
2. Окружность вселенной простирается до 30000000 верст, разумеется выключая *солнце*, луну и звезды ... [с. 103];
3. Вдруг *солнце* (сверху без сомненья), / Как злобный демон разрушенья, / На все миры с размаха – бряк! [с. 104];
4. После этого первого *солнца* упадет другое побольше, там третье еще больше; наконец, седьмое доконает вселенную [с. 104];
5. В то время не было в помине / *Ни звезд, ни солнца, ни луны* [с. 108];
6. Тут понадобились *и солнце, и луна, и звезды*, и все это было тотчас же сотворено [с. 108];
7. Там с золотом *солнца*, небес бирюза! [с. 116].

Вербализация понятия СТРАДАНИЕ

1. И вот, *страдалец* на земли, / Я вас отыскивал по свету [с. 93].

2. Ему казалось тогда, / Что мы под четырьмя бедами / Обречены *страдать* судьбами:.. [с. 100].
3. Еще не все ты знал *страданья* / В тернистом поле испытанья,.. [с. 100].
4. Вам стало жалко нас, *страдальцев*, /О нашем благе вы пеклись,.. [с. 102].
5. Так со мною; но сначала / Долго был *страдальцем* я, / И в страстях душа моя, / Сиротствуя, погибала;.. [с. 116].

Вербализация понятия СТРАСТЬ

1. Потом, беснуясь *страстью* оба, / Ничтожный мир забыть хотят [с. 92].
2. Меня б вы ручкой приласкали, / А я тотчас ее бы сжал / В *пылу кипящего мечтанья* [с. 94].
3. Начало *страсти* очень страстно:.. [с. 95].
4. Он сел бы у меня на мель, / И чуть бы к вам *приволочился*, / Я б вспыхнул весь, разгорячился, / И всех бы вызвал на дуэль [с. 99].
5. И вот одно по вашей части, / Хоть виноваты только вы, / Что я от вас без головы, / А я же каюсь вам *в страсти* [с. 99].
6. А кто за *чувственность* продал / Высокий подвиг здешней жизни,.. [с. 99].
7. Однако ж, посмотрите... проклятые начинают *волочиться* за вами, — полетимте, пожалуйста, наверх... [с. 103]
8. Да я бы сорок тысяч лет / Все стал за вами *волочиться* [с. 109].
9. Пора тяжелая пришла / Вам неизвестного *влеченья*... [с. 111].
10. И тогда, в душе моей, / Только снова собиралась / Буря губительных *страстей* [с. 115].
11. И *в страстях* душа моя, / Сиротствуя, погибала;.. [с. 116].
12. И *страстей* презренных путы / То слабели, то рвались;.. [с. 116].
13. Его любовь, его уважение были высочайшей наградой <...> *справедливых* [с. 112].

Вербализация понятия СЧАСТЬЕ

1. Потом по правилам любви / *Несчастливым* предстоит разлука [с. 92].
2. Когда française и котильон / Меня *счастливили* собою [с. 92].
3. Во мне надежды оживали / Приветной *счастия* зарей... [с. 93].
4. Я был бы решительно затруднен отвечать вам на этот вопрос, если бы, *к счастью*, не пришла мне теперь в голову замысловатая увертка всех господ рассказчиков: начало того-то теряется во мраке неизвестности [с. 96].
5. И всем ли *счастье*, как мне?.. [с. 101].
6. Простите *несчастливица* вы, / Он вас слезами умоляет,.. [с. 106].
7. — «Неужто снова напроказил?» — / Да! он остаток *счастья* сглазил, / Затем, что ел плотней других... [с. 111].
8. Что мне, как *счастия* звезда, / Горит в нем пламенное: да!.. [с. 111].
9. К *счастью* всех обитателей Самбу-Тиба, явился тогда между ними некто, который чудесно сберег в душе своей всю красоту непорочности и правды... [с. 112].
10. Так! *я счастлив!*.. эти слезы / Из потускневших очей / И без сладостных речей / Уст поблекнувшие розы — / Много, много говорят!.. [с. 116].

Вербализация понятия ТАЙНА

1. ... послушайте лучше о моих сердечных *тайнах* [с. 92];
2. Хоть стыд сказать, а грех *таить!* [с. 92];
3. .. ламы употребляли все средства, чтобы увенчать успехом свое *тайное* предприятие [с. 97];
4. И он *таинственно* прозрел [с. 100];
5. У женщин вечно та же сказка, / Чуть *тайна* есть, – так есть и ласка [с. 108];
6. Какой-то амин молодой / От всех своих знакомых *тайно* / Нашел какой-то плод случайно [с. 110];
7. Все *таинственно* затихнуло ... [с. 115];

8. И в *таинственной* дали / Долетят они до Бога! [с. 115];
9. Как сладкою *тайной* наполнилась высь [с. 116];
10. *Таинственный* пламень блестящих очей... [с. 116];
11. И нечего *таить* греха, / Хоть и без умыслу – а ели... [с. 110];
12. Опять мне новая *загадка!* [с. 111];
13. Тогда ему от вас *украдкой* / Дивлюсь – и все не надивлюсь! [с. 112];
14. И очи, полные огня, / Вы устремили на меня / И будто *тайну* узнавали [с. 107];
15. *Таинственно* о светлой цели / Какой-то голос мне шепнул [с. 107].

Вербализация понятия УЛЫБКА

1. Я все пишу для ангельской *улыбки*, . А там... а там: vogue la galère [с. 95].
2. Что ж вы так иронически *улыбаетесь*, господа ориенталисты?.. [с. 97].
3. То неба *улыбка* на радость земным!.. [с. 116].
4. И эта *улыбка*, в которую слит / *Улыбки* небесной пленительный вид!.. [с. 116].

Вербализация понятия УМ

1. .. что *на уме*, то и на языке ... [с. 90];
2. ..эта особа, *разумеется*, – вы [с. 90];
3. (и это, *разумеется*, – я) [с. 90];
4. .. так я *разумею* не то, чтобы я в самом деле его придумал ... [с. 91];
5. ..то я непременно обману всех прелестных моих читательниц и *благоразумных* читателей [с. 91];
6. Я подражаю вам – так стало / И во сто раз *умнее* я [с. 92];
7. Царь Соломон (человек почтенный и *умный*) ... [с. 94];
8. Нравится ли вам моя *сметливость* и умение пользоваться обстоятельствами [с. 95];

9. Отчего все люди, *разумеется*, выключая только вас одних делают столько дурачеств?.. [с. 95];
10. *Разумеется*, понадобились лекари [с. 96];
11. Об этом, верно, как-нибудь проведали тибетские ламы, смекнули делом и очень *умно* воспользовались своими посильными знаниями древней индийской медицины и теми лекарствами, которые получили они из Индии и Китая [с. 96];
12. Он слепо вверился *уму* — / Так, стало, веровал удаче [с. 102];
13. Без умолку твердят ему, / Что он по сердцу и *уму* / Все будет хуже год от года [с. 104];
14. В нем, важно место занимая, / Торчит иная голова / И *умной* кажется сперва, / А ведь какая уж пустая [с. 105];
15. Во всем *собаку съел* иной,.. [с. 105];
16. Ну, *разумеется*, после этого он тотчас озаботился соблазнить родных, товарищей, знакомых — и пошла круговая порука [с. 109];
17. Хоть и без *умыслу*, а ели [с. 110];
18. Они никак не могут различить бессмертного *духа разумения*,.. [с. 113, 114];
19. Чтобы не быть мне в жизни новой / Слугой покорным *дурака*,.. [с. 114];
20. Гасло на сердце священное и высокое *в уме*... [с. 115].

Вербализация понятия УЧЕНИЕ

1. Зная, может быть, что этот почтенный муж родился в Индии, при источниках Ганга, вы, конечно, спросите меня, когда и каким образом *учение* его проникло в Монголию? [с. 96];
2. Если всякое *духовное учение*, принятое народами, должно называться по имени своего законодателя, то и вера монголов есть шагямунианская, а не далай-ламская [с. 96];

3. Различия, существующие между *умным* и глупцом, между *ученым* и неучем, совершенно уничтожались тогда перед господствующими разделением народа: сильный и бессильный, богатый и бедный... [с. 96];
4. Шаманы проповедовали им свое *учение* изустно, по преданиям, и были очень плохи в медицине [с. 96];
5. *Учение* их, хотя исподволь, но надежно укоренялось в Монголии [с. 97];
6. Что этот Мынге точно был шагямунианцем, это не подвержено никакому сомнению: недаром же он в исходе 1251 года изволил дать одному тибетскому ламе Намо титул царского *учителя* и сделал его главою новой религии?.. [с. 97];
7. И вот и он, и все приняли / *Учение* Шагя-Муни [с. 97];
8. Теперь, прелестная Катинька, когда вы знаете, каким образом *учение* Шагя-Муни перешло с берегов Ганга в Монголию, теперь можно поговорить с вами и о самом законодателе; но прежде потрудитесь перенестись мысленно в хаос индийского мистицизма и мифов [с. 98];
9. С лишком за две тысячи лет до Р. Х. явилось в Индии *учение* Будгы, или Будды [с. 98];
10. Верование будгистов есть раскол первобытной веры бирманов, и если относительно появления первой в Индии помириться, ровно на две тысячи лет до Р. Х., то какова же должна быть древность *учения* Брагмы?.. [с. 98];
11. В это время он составил главные правила своего *учения*, которые впоследствии пространно изложены пятью его учениками в ста осьми книгах Ганжура, то есть: словесного *учения*, называемого опорой веры [с. 100];
12. Человек он, кажется, дельный и начитанный [с. 101];
13. Весь наш *ученый мир* в страшном заблуждении... [с. 102];

Вербализация понятия ШАЛОСТЬ

1. И вот вам *шалость*, Господа!.. [с. 90].

2. Тогда вы скажете, прощая *шалуна*: / «Ну, в этом есть, по крайней мере, совесть!»... [с. 91].
3. Да! верно господин Ардашиди *пришаливал* смолода, иначе в чем бы ему раскаиваться?.. [с. 99].
4. Сначала он *шалил*, нет спору,.. [с. 100].

Вербализация понятия ШУТКА

1. Положим, что вы совсем не Катинька и что будто бы я только придумал это имя *для шутки*, затем, чтобы вас не узнали... [с. 91].
2. Хоть эта *шутка* и трудна: . Как вы не прячьтесь за толпами, . На вас покажут все руками . И скажут мне: да вот она!.. [с. 91].
3. Да не улетайте! это одна *невинная шутка*... [с. 95].
4. Да! восемь тысяч! *не шутя*, / И как?.. поверите ли? — слишком!.. [с. 98].
5. Но сквозь мишурность *прибауток* / Серьезно я сказать хочу,.. [с. 107].
6. Серьезно я сказать хочу, / Что я влюбился в вас *без шуток* [с. 107].
7. В такой негаданной беде / Всем грешным *было не до шутки*,.. [с.111].

Вербализация понятия ЯЗЫК

1. Все, кажется, живут в ладу, / Но сердце *с языком* в разладе,.. [с. 90].
2. ... только у одной особы что на уме — то и *на языке*,.. [с. 90].
3. Легко сказать: *язык* без кости,.. [с. 93].